

АКАДЕМИЯ МАГИИ

ОЛЬГА ГУСЕЙНОВА

ШКОЛА ДЕЛАВЕЛЯ
ЧУЖАЯ СУДЬБА

Annotation

Я — феида, я рождена воином, а значит, в моей судьбе нет места любви и тихому счастью, лишь бесконечный бой с силами тьмы.

Но что делать, если сердце хочет тепла и руки просят не тяжести клинка, а нежных объятий?

Поменять судьбу. Поменять мир. Но остаться самой собой. А в награду — встретить мечту. Причем там, где меньше всего ожидала, — в Военной школе Делавеля.

Ольга Гусейнова

Школа Деладеля. Чужая судьба

© Гусейнова О., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Слова признательности

Моя огромная благодарность читателям. Тем, кто во время написания романа своими теплыми, душевными комментариями дарил мне уверенность в себе, жизненный позитив, радость и силы, чтобы творить очередную сказку. Я благодарна им всем за помощь, критику и поддержку.

Хочу сказать спасибо редакторам и всему коллективу издательства «Эксмо». С вами, родные, очень тепло и приятно работать.

Ну и, как всегда, моя особая благодарность Борисковой Вере. Моей главной помощнице, лучшей подруге и спутнику по дорогам моих сказок, верному соратнику во всех литературных авантюрах.

Моя признательность всем, кто купит или просто прочтет мою новую сказку, — вы читаете, и это для меня невероятная радость.

— Звено, рассчитайсь!

— Первый!

— Второй!

— Третий!

...

— Восьмой!

— Девятый!

— Девять с половиной! — привычно крикнула я, вытягиваясь в струнку.

Командир отряда Регана Шмель, широко расставив ноги, неожиданно гаркнула:

— Распустились! Неудачницы! Вас взгрели, как последних мужиков! А ведь это всего-навсего учения! А что было бы в реальном бою?

Я чуть подалась вперед, чтобы лучше видеть. Наше звено каменными статуями замерло на плацу и преданными глазами подало командира отряда.

Все как на подбор рослые, мощные, сильные — настоящие женщины. Каждая поскрипывала новой формой. На тонкую рубашку с широкими бретелями, длиной до середины бедра мы надеваем короткие, выше колен, кожаные платья специального фасона. Плотный прилегающий к телу корсет со шнуровкой и юбка из широких кожаных полос для удобства передвижения. На ногах — крепкие сандалии, закрепленные шнурками и ремешками до колена, которыми и оружие можно закрепить, и рану перевязать, если что. На сгибе правой руки у каждой из нас поблескивал начищенный до блеска шлем. И сейчас ветер свободно трепал наши короткие, до плеч, волосы.

На мне тоже красовалась новенькая форма, бедро привычно ощущало тяжесть меча, да только выглядела я не так солидно, как мои сослуживицы. Нет у меня ни широкого разворота плеч, ни большой груди, чтобы вот так браво ее выпятить или, на худой конец, придавить врага в бою. Ростом я вообще не удалась: по плечо самому низкому воину. И талия у меня узкая, осиная, и бедра слишком округлые, а попа позорно выпирает. Ну за что меня так боги наказали? А?

Регана продолжила поносить нас последними словами, и я почти каждое из них относил к себе.

Девять полноценных воинов-женщин стояли не шелохнувшись, вытянувшись в струнку. Я на полноценную совсем не тянула, недаром же меня лишь за половинку считали, но тоже стояла и ничего хорошего не ожидала. И как в воду глядела:

— Половина, тебя вообще хоть чему-то научили в учебке? — грозно спросила меня Регана, подойдя вплотную.

— Так точно, комот Регана! — И самой противно стало услышать, как жалко и звонко прозвучал мой голосок.

Шмель заложила руки за спину и вперила в меня мрачный взгляд холодных голубых глаз.

— Тогда какого эльфа драного ты задницу отключила во время стрельбы? Она тебе надоела? Или ты решила ее украсить стрелой? Раз ничем другим не выходит?!

— Я... э-э-э... нечаянно... — отчаянно прошептала я.

На меня надвинулась мощная грудь Реганы Шмель, заставляя все выше задирать подбородок, чтобы не уткнуться в нее носом.

— Нечаянно, — зло передразнила Шмель. — Сделали тебя нечаянно, половина!

Рядом послышались недобрые язвительные смешки, а я окаменела. Подобные шуточки мне доводилось слышать часто и каждый раз делать вид, что меня это не задевает.

Регана, шагнув назад, отвернулась от меня и грозно прошла вдоль ряда.

— В общем так, мальчики, — язвительно процедила она, — подобное разгильдяйство я вам прощаю в последний раз. Завтра устрою марш-бросок по Темным землям! Научу вас быть женщинами! Слабачки мне в отряде не нужны!

С каждым словом мы вытягивались все больше и от злости готовы были хоть сейчас в бой.

— Все, свободны! — рявкнула командир.

Строй молниеносно распался. Кто-то сбился в группки — поболтать, кто-то стремительно взмыл в небо, спеша по делам, а я раскрыла крылья и в совершенно подавленном настроении полетела домой.

Подо мной раскинулось Разнотравье — наш небольшой приграничный городок. Тысячи глиняных домов словно грибница во все стороны разбегались от Большого озера до самого Заповедного леса. Мимо проносились озорные драчливые девчонки, пугливые и скромные мальчишки; пролетел отряд суровых пограничниц, заставив меня с невольной завистью посмотреть им вслед.

Э-эх! Я так мечтала в свое время, что вот окончу учебку и совершу какой-нибудь подвиг. Меня заметят наконец, возьмут в один из таких элитных отрядов. И буду я защищать границы феид от всякой нечисти да лживых трусливых эльфов. Непременно снова совершу подвиг, к примеру, рискуя жизнью, спасу нашу королеву. Меня наградят... нет, конечно, не посмертно. Этого я себе мечтать не стала, я же не совсем глупая. Лучше меня наградят приглашением на один из балов в честь очередного месяца, и там... Там на меня обратит внимание какой-нибудь мужчинка и согласится на мои матримониальные притязания! А то сестра и мать без конца твердят, что если сейчас не заведу семью — потом совсем никому не нужна буду.

А в итоге что? Мне сорок лет. Учебка окончена с горем пополам, да и то мамина протекция помогла. Точнее, ее волшебный пендель, которым она мне на выпускных экзаменах помогла преодолеть последнее препятствие, а не умереть у финишной черты от стыда и слабости. Летела я тогда знатно, с бо-ольши-им ускорением, а ведь до этого еле ползла.

Мама — бригадный генерал и допустить, чтоб я позорно покинула Военную академию с несданными выпускными нормативами, просто не могла себе позволить.

Проводив взглядом бравых пограничниц, я тяжело вздохнула, развернулась в сторону дома и полетела дальше. Лучше не задерживаться, сегодня я обещала вместе с папой готовить большой яблочный пирог. И если нарушить обещание, отец может обидеться и, чего доброго, устроит истерику.

От грустных мыслей меня отвлекла парочка молодых парней лет пятидесяти, которые, бурно жестикулируя и хихикая, летели мимо. Высокие блондины в модных жилетах, узких брючках и с сумочками, украшенными цветами, они лениво помахивали яркими золотистыми крыльями и выглядели весьма привлекательно. И хотя лично меня парни не «зацепили», я все равно мило улыбнулась и игриво подмигнула. А вдруг... На что белокурые красавчики презрительно фыркнули, передернули узкими плечиками, не забыв громко перекинуться мнением про «всяких там хлюпиков, которые пристают к порядочным мужчинам, непонятно на что рассчитывая...». Даже не притормозили. Настроение упало

ниже самой застарелой грибницы. Вот так всегда!

— А мне блондины вообще не нравятся! На моль похожи! Понятно?! — не удержавшись, крикнула вслед этим высокомерным фифам.

Куда там! Даже не обернулись. Что-то прощепетали друг другу и рассмеялись. Вот точно обо мне гадость какую-то сказали.

Ну неужели не найдется ни одного порядочного феида, чтобы полюбил меня за внутренний мир? Ну разве я виновата, что уродилась в папу? Худая, щуплая, грудь размером всего с большое яблоко, а не с арбуз, талию имею, да еще и попа неприлично выпирает. И — о, ужас! — со смазливим лицом. Все десять лет в учебке меня этим сокурсницы попрекали. Нет, не будет мне в жизни счастья!

— Пап, я дома! — крикнула, входя в дом и складывая шлем и меч на лавку в прихожей.

— Ну что за манера, вечно орете как оглашенные. Что мать, что вы с Сеттой... — ворчал отец, выходя из кухни и вытирая передником руки.

Я повела носом, вдыхая вкусный запах корицы и выпечки.

— Папулечка, ты уже все приготовил? — спросила, заискивающе и виновато глядя на него.

— Дак тебя разве вовремя дождешься? Все в своих мечтах витаешь или в отряде пропадаешь... — улыбаясь, посетовал отец.

Я с любовью посмотрела на него. Только он мне все прощает, жалеет и понимает — еще бы, ведь я его точная копия. Такие же золотые волосы, только у меня короткие, чтобы шлем удобно было носить, и голова не потела. Такое же овальной формы лицо с прямым носом, светлой кожей и едва заметными веснушками; округлым подбородком, выдающим мою природную мягкость, безвольность характера, как говорит мама; чуть великоватым ртом с чувственными пухлыми губами; яркими желто-зелеными глазами. Ну совершенно не женски я смазливая, считают все мои знакомые. А мужчины... Те считают, что нехорошо женщине соперничать красотой с мужчиной. Ненормально это. Понятное дело, когда мужик красивый, но женщина-то должна быть сильной, ловкой, чтоб семью защищать, пропитание добывать. А тут я — половина какая-то.

— Ну иди, доча, иди, руки мой и за стол. Сейчас соберу все вкусненькое.

Снисходительно похлопала отца по спине: только он меня и любит, заботится. И пошла умываться, а то пыль с плаца еще скрипит на зубах.

Приведя себя в порядок, села обедать.

— Лютик, послушай, я тут узнал... — судя по тону голоса, папа решил поделиться своими тревогами.

— Папа, тысячу раз говорила! Лютерция, а не Лютик! — раздраженно оборвала его я.

— Это для матери своей ты Лютерция, а для меня — Лютик, — отец положил ладонь на мою руку и ласково сжал. — Пока она с нечистью воевала да из своих воинов настоящих женщин делала, я тебя, крохотульку, летать да ходить учил. Как держать ложку показывал да попу подтирал.

Я расплылась в виноватой улыбке. Все же отец у меня феид очень мягкий, душевный и слабый физически. Мама все время говорит, что сначала клюнула на отца из-за его слабости. Ей невольно захотелось его защитить от всех. А уж потом, когда распробовала его запеканочки да яблочные пироги... Дорожку от желудка к сердцу воина провинциальный парнишка легко протоптал. Теперь папа единственный, кто может воздействовать на мать своей мягкой нежной любовью. Для остальных она — бригадный генерал. Даже для нас со

старшей сестрой. Хотя Сетта вся в мать, такая же мощная, высокая и непробиваемая. И до генерала ей лет двадцать — максимум! — служить осталось, если не меньше. Именем моей сестренки уже и так южные эльфы детей пугают. А сейчас она из полугодичного отпуска по беременности и родам — засидевшаяся, домашним бытом, мужем да малыши детьми до белого каления замученная — выйдет на службу, и, я уверена, полетят клочки по закоулочкам в Темных землях. И эльфы проклянут тот день, когда родились на свет, а Сетта Пчелка вспомнила об их существовании.

— Так вот, я сегодня был в гостях у Жучары, ну ты знаешь, это сват Миролиста...

— Папа, давай ближе к делу, что за привычка в обход Заповедного леса к главному подходить?! — буркнула я.

— Да что ж ты меня с мысли-то все время сбиваешь?! — раздраженно воскликнул отец.

— Ну ладно, ладно, ну прости, папуль, — скорчила я виноватую рожицу. С папой это всегда срабатывает.

Бросив на меня укоризненный взгляд желто-зеленых глаз, папа махнул рукой и продолжил, чуть подавшись ко мне через стол:

— Так вот, к Жучаре из Грибного прилетал двоюродный брат Мякун погостить. А ты знаешь, кто он?

Я качнула головой, но неожиданно ощутила странный укол в сердце — предупреждение.

Отец почему-то шепотом продолжил:

— Мякуна мало кто любит в Грибном. Большею частью боятся. Он — видящий!

Я невольно кивнула и, понизив голос, согласилась:

— Понятное дело. Кому ж понравится, что твоя судьба для кого-то как на ладони.

Отец виновато потупил глаза, сел на стуле ровнее, словно решая — стоит ли продолжать разговор, а я, не выдержав, поторопила:

— Ну? Что ты там натворил? Признавайся! — И не знаю почему, но стало страшно. Хотя по моему виду этого, наверное, не скажешь.

Папа помялся, посмотрел на меня глазами голодного пса и заговорил, оправдываясь:

— Я ж понимаю, каково тебе... такой. Ты ведь моя кровиночка... А давеча так рыдала о своей горькой судьбинушке...

— Рыдала? Когда это? — вскинулась я, уже догадываясь об ответе.

— Когда нектара в трактире на Лесной перебрала! — укоризненно ответил отец.

— Ну перебрала, чего по пьяни не ляпнешь, — стушевалась я.

Вообще-то, я не пью, но неделю назад случился очередной неприятный момент в моей жизни. В кои веки один видный красивый мужчинка дал понять, что я ему нравлюсь. Решилась я пригласить его на свидание. И каково же было мое удивление, когда получила великодушное согласие! Пусть сам мужчинка не в моем вкусе был, но на безрыбье и рак рыба. А так, думала, попробую, хоть раз на свиданку слетаю. Слетала! Весь вечер прождала на берегу озера, мысленно разыгрывая нашу встречу и планируя остроумный разговор, а потом, наутро, надо мной весь отряд хохотал. Оказалось — это розыгрыш был. Вот с горя и напилась вечером. Мало того, что с трудом до дома долетела, еще и от матери получила за неподобающее поведение, позорящее славную гордую фамилию Пчелка. Впрочем, мама уже давно на мне крест поставила и словно забыла о моем существовании. Для нее солдаты ее бригады гораздо ближе и роднее, чем собственная дочь.

Пока я предавалась печальным воспоминаниям, отец продолжал:

— Все я понимаю, доча! Думаешь, не вижу твоих страданий. Да все мужики — дураки,

раз не могут разглядеть в моей девочке сильный дух и добрую душу. И готовишь ты не хуже меня...

— Пап, ты сейчас идеального мужчину описываешь или меня обидеть хочешь? У нас в отряде ни одна готовить не умеет, только я. А все ты виноват! Меня теперь кулинаркой дразнят, а я даже в морду дать не могу, тут же наряд от Шмель получу. И выговор. Мать совсем озверевает... — расстроилась я.

Отец пересел ко мне поближе, ласково отвел с моего лица пряди волос, как в детстве убрав их за уши, заглянул в глаза и печально произнес:

— Ты плачешь в подушку, но я-то все слышу. Это Клевер спит как убитая, намотавшись за день.

Я отстранилась от него и буркнула, чувствуя, что скоро снова позорно расплачусь, словно мальчишка.

— Ну и спал бы, как и мать. А у меня все пройдет...

— Упрямая ты! В чем-чем, а в этом вся в породе Пчелок пошла! — раздраженно оборвал отец.

— Слава богам, хоть в этом я на мать похожа! А так — вся в тебя. Вся в тебя, — скорее жалуясь, чем обвиняя, заявила я.

Отец погладил меня по золотистым волосам, глядя с нежностью и одновременно печалью.

— Клевер тоже виновата в твоём несчастье, чего, поверь, она уже давно не может себе простить. Если бы в свое время она войнушке с эльфами предпочла правильное воспитание младшей дочери, ты бы не выросла такой хлипкой и слабенькой. Уж она-то сделала бы из тебя настоящую женщину. Но она упустила момент, а я... Я воспитал тебя как сумел и научил тому, что умею сам.

— Если бы я знала, когда училась пирожки готовить да крестиком вышивать, что так будет, то лучше б тогда мышцы наращивала, да силу в руках копила и стала бы счастливой. Меня любил бы, хоть кто-нибудь. А так... Никому не нужна... — всхлипнула я.

И противна сама себе стала, сил нет. Ладно — из знакомых никто не видит, как я позорно слезы лью. Хороша же я баба, как мужик слезливый.

— Да что ж ты так, дочь, мы тебя любим... — всплеснул руками отец.

— Да-а? — с иронией переспросила я и с болью в сердце добавила: — Говори только за себя! Сетта меня лишь терпит. Ее муж — презирает. Да они про меня вспоминают, когда им обоим по делам нужно, а ты занят и с детьми посидеть некому. Мама меня стесняется. Не дай боги, кто-то ее рядом увидит, так она сразу морду кирпичом — и меня словно не знает. Какая жалость, у бригадного генерала Клевер Пчелки такое недоразумение уродилось! Да еще с цветными крыльями...

Я резко, шумно и сердито раскрыла сложенные за спиной крылья, демонстрируя их отцу. Еще одно мое отличие от остальных. Аномалия. У всех феид крылья золотистого цвета, а у меня — края и верхушки зеленые, и от них тоненькие прожилки к самым лопаткам змеятся по золотому фону. В летописях говорится, раньше у феид крылья цветные были, но это еще когда наша раса в другом мире обитала, а теперь... Теперь это признак былой слабости. Неполноценности. И моей печали.

Папа сложил руки на коленях и, глядя на меня, понимающе качал головой. Сочувствовал.

А я выдохлась. Послав мысленно импульс, втянула крылья, ощущая, как они растеклись по спине привычным, родным теплом. Вытерла злые слезы, поставила локоть на стол,

подперла подбородок и окинула стол голодным взглядом. За разговором и поесть не успела. Взяла пирожок с капустой и подвинула стакан клюквенного морса. Хоть хорошей папиной еде порадоваться в этой жизни.

Отец решительно встрепенулся, наклонился и тихо спросил:

— Помнишь, когда-то в детстве мы делали глиняные слепки твоих ладошек?

Я уныло кивнула, не забывая жевать. А родитель продолжил так, словно в холодную воду нырнул:

— Я их Мякуну показал и попросил посмотреть...

Поперхнувшись, я прокашлялась и вытаращилась на отца. Но промолчала, с неожиданным трепетом ожидая продолжения. Папа поджал губы, пожал плечиками и выдал:

— Знаешь, он сказал нечто странное.

— Что именно? — нетерпеливо спросила я.

— Сначала сказал, что твоя судьба — это война! Нету твоей любви в этом мире. — Мое сердце оборвалось, но отец неожиданно продолжил: — А потом, когда Жучара на минутку вышел из комнаты, Мякун шепотом добавил, что если ты любви хочешь, искать ее нужно в другом мире, а этот оставить другой.

Я потрясенно посмотрела на отца и спросила:

— Мне помереть, что ли?

Отец с досадой шлепнул меня по лбу и посмотрел с укоризной.

— Я тоже решил, что Мякун с ума сошел окончательно. Забрал слепочки и ушел. Обиделся на него. А пока домой шел, неожиданно вспомнил...

Папа замолчал и таинственно посмотрел на меня.

— Да что вспомнил-то? — хрипло поторопила я. Даже недавнюю апатию как рукой сняло, так интересно стало.

— Я в юности в архиве нашем хранителем подрабатывал. И вот, как-то раз нечаянно услышал разговор главного архивариуса с главой разведки. Солидная дама, из самой столицы прилетела. Они говорили о старых легендах и документы из закрытой части городской библиотеки читали. Про порталы в другой мир...

— И что в этом загадочного? — Тяжело вздохнув, я снова оперлась локтем о стол и подперла рукой подбородок. — Каждая феида знает, что в Темных землях существуют порталы из соседнего мира, откуда к нам прет нечисть всякая.

Отец замотал головой и шепотом продолжил:

— Да не про те порталы они говорили! В нашем Заповедном лесу обнаружился еще один. Архивариус нечаянно на упоминание о нем наткнулся. Там, оказывается, магический контур имеется, охранный. Стоит подойти ближе, как что-то заставляет уйти, пугает до дрожи.

— О боги! Так это ж опасно! Вдруг и оттуда нечисть ползет... А там заставу поставили, а...

— Успокойся, Лютик! Чистый он! Не фонит из него злом. Значит, на светлых территориях расположен.

Я, наконец, догадалась, к чему ведет отец:

— Так ты намекаешь, чтобы я через него... в другой мир?

— Не все так просто! — Теперь папа тяжело вздохнул — Они интересовались тем порталом с одной целью. Хотели разведгруппу послать, чтобы с «той» стороны, значит, выяснить, почему к нам нечисть лезет.

— А они уверены, что порталы из одного мира? — засомневалась я.

— Да! Они Видящего привлекали! И угадай — кого... — усмехнулся папа.

— Мякуна?

— Да! — кивнул отец. — И не его одного! Он же тогда, как и я, совсем мальчишкой был.

В общем, они искали документы, которые почему-то здесь в Разнотравье остались, а не были отправлены в столицу. Как я слышал, портал в Заповедном лесу ведет в Старый мир, из которого ушли наши предки, гонимые другими расами. Притесняемые за слабость и мягкосердечие и...

— Да! Да! Эту лекцию нам всем преподаватель истории читал. Мы были маленькими, хрупкими и слабыми. Нас все притесняли, и нами правили мужчины. Хотя не верю я в это! Как-то сложно поверить, что миром правят мужчины. Да ни одна нормальная женщина не позволит мужчине верховодить...

Моя запальчивая речь оборвалась, стоило заметить папин ироничный взгляд. Вздохнула, сторбилась и виновато посмотрела на него. Сама ходячая аномалия, а разглагольствую о высоких материях.

— Так вот! Та затея с разведкой провалилась с треском! — припечатал отец.

— Почему? — неожиданно испугалась я.

Почему-то наивная идея с другим миром начала прорастать в моей душе нечаянной надеждой. Недурно было бы прогуляться туда, осмотреться, а потом, если что не по нраву, вернуться...

— Закон всемирного равновесия! — пожал плечами папа. — Это только нечисти законы не писаны. Она служит темным богам и приносит кровавые жертвы, чтобы пробраться в наш мир. А всем остальным приходится платить.

Отметив мой нетерпеливый взгляд, он поторопился с пояснениями.

— В общем, та генеральша сказала, что портал открывается один-единственный раз в году, в равноденствие. И только от рассвета до заката. И попасть в другой мир можно, лишь поменявшись местами с кем-нибудь с той стороны.

Новость об обмене охладила мой недавний пыл: о простой прогулке речи не идет.

— А где этот портал расположен с той стороны? Они не выяснили? — спросила я тихо, уже предвидя ответ отца.

— В лесу, возле пруда. Так же, как и у нас. Миры — зеркальное отражение друг друга.

— Поня-ят-но, — протянула я и сразу спросила: — Хоть одна разведчица попала в тот мир?

Отец молча пожал плечами. Непонятно: не знает или не хочет говорить.

— И что? Больше никаких подвохов? — со здоровым скепсисом поинтересовалась я.

Пожевав губу, родитель мрачно ответил:

— Меня их разговор настолько заинтересовал, что я потом нашел все эти легенды, старинные документы и прочитал. Там говорилось, что мы и правда были маленькими — наверное, по грудь нынешним. Слабыми и всего боялись. Жили в лесу, скрывались от всех... Самая слабая раса того мира. Нас темные колдуны вынудили уйти в другой мир, потому что для ритуалов часто использовали нашу кровь и магию.

— Но как же мы ушли, если, ты говоришь, должно соблюдаться равновесие? — не поняла я.

Отец потер переносицу, тяжело вздохнул и начал повествование:

— Плата за равновесие — это тысячи феидов, погибших от насланной нечисти. Наша

судьба в том мире не имела продолжения, и боги сжалились, заменив ее на новую уже в этом. — Он будто погрузился в чтение старинного манускрипта, навсегда запавшего в память. — Сложно сказать с уверенностью, что послужило толчком или причиной исхода, но в легенде говорится, что в то смутное время Темные явились в тот мир и восстанавливали растраченную на переход силу. Для чего использовали нашу кровь и магию. Как дармовую, легко добываемую энергию...

— ...попробовали бы они сейчас к нам подобраться... — злобно встала я.

Родитель согласно хмыкнул и продолжил:

— Думаю, именно это массовое истребление нашего народа и послужило толчком для вынужденного исхода.

— Допустим, с этим понятно, тогда как же туда попасть?.. — удивленно спросила я.

Папа едва заметно печально поморщился, его руки неосознанно затеребили передник на коленях — явно волнуется.

— Папа... — поторопила я, чувствуя, что от нетерпения сама готова в его передник вцепиться.

— Видишь ли... подвох заключается в том, что ты не просто поменяешься с кем-то мирами. Ты поменяешься судьбой. Именно поэтому разведчиков не решились послать на «ту» сторону.

— В каком смысле: судьбой поменяюсь? А вдруг там мужчина будет? С той стороны? Так я что, мужиком стану? — переспросила, изумленно распахнув глаза.

Папа усмехнулся и укоризненно покачал головой, вновь услышав в моем голосе презрительные нотки, к которым примешивалась паника:

— Я так понял, что происходит обмен основными вексами. Мякун сказал, что твоя судьба здесь — это война. Для того, кто поменяется с тобой местами, война станет главной вексой. Вы не меняетесь телами, вы меняете свою судьбу и мир. Принимаете на себя исполнение предначертанного богами... Основную миссию. Вот суждено тебе обвенчаться с войной, так и произойдет с твоим преемником. А как, каким образом, в каких войсках или какой стране служить — это уже нюансы и твой личный выбор.

Испугавшись пришедшей в голову мысли, я выпалила:

— А если наш обмен изменит ход истории целого мира? А вдруг я должна совершить что-то такое, что спасет его? — замолчав на мгновение, в ужасе выдохнула. — Или уничтожит?

Папа потянулся, обнял меня за плечи одной рукой, а второй потрепал по макушке:

— Глупенькая моя девочка! А как же закон равновесия? Забыла?

Я пожала плечами, пропустив замечание про глупость.

— Нет, не забыла, но закон не отменяет того...

— Ты веришь в то, что способна уничтожить целый мир? — прервал поток моих сомнений папа. — Любым способом?

— Нет, ни за что! Но...

— А спасти? Целый мир? — снова оборвал он, уже насмешливо.

— Ну не зна-аю... — а потом, встрепелась, добавила уверенно: — Но я точно знаю, что за добро и свет готова биться до последней капли крови!

Папа одобрительно похлопал меня по плечу и заявил:

— Во-от! К чему и веду! Из тебя разрушительница мира, как из меня воительница! А равновесие должно соблюдаться неукоснительно! Значит, твоя замена волей-неволей будет

следовать предначертанному и по мере сил и возможностей помогать нам, феидам. Как это делала бы ты, оставаясь здесь! Да и Мякун — Видящий! Он никогда не дал бы мне такую подсказку о другом мире, если бы провидел что-то плохое для тебя или для феидов в целом.

— Ты считаешь? — по-прежнему неуверенно спросила я.

— Уверен! — кивнул отец.

— Но это значит, что у меня дорога... лишь в один конец! И обратно я уже вряд ли смогу вернуться, — сделала я вывод, тоскливо заглядывая в родные, так похожие на мои, желто-зеленые глаза, оттенённые пушистыми густыми золотистыми ресницами.

— Тебя так пугает именно это? — грустно спросил папа. — Или что-то другое?

Я невольно вцепилась в ярко-красную отцовскую штанину, словно мне прямо сейчас придется уходить в другой мир.

— Просто тогда... я больше не увижу тебя... да и маму тоже и Сетту, и племянниц...

— То есть тебя смущает только это? — довольно улыбнулся родитель. — А не то, что ты примешь на себя чужую судьбу? Мало ли какая она будет? — уже серьезно предупредил он.

Я кивнула, потом пожала плечами, молча показывая, что у меня и так судьба не подарок — война. Так что может быть хуже?

— Портал открыт целый световой день. И пусть один раз в году, но мы сможем видеться! Если ты решишься на этот безумный — я считаю — шаг, равноденствие станет днем наших встреч.

Под впечатлением от услышанного я недоверчиво спросила:

— Ты меня отпустишь в другой мир? И это после того, как ты меня словно пацана нерадивого все время контролируешь, опекаешь, пирожки в рот суешь... Да это же отдельная тема для насмешек моих сослуживиц.

Папа поморщился, признавая за собой грех чрезмерной опеки, свел к переносице золотистые брови и с искренним отчаянием признался:

— Ты ж — мое дитячко, любимая доча, а я по ночам твои всхлипы слушаю. Одиночество никому счастья не приносило, так неужели, зная теперь, что тебя здесь, рядом со мной, ждет, привяжу к дому? Я хочу счастья для тебя. Поэтому с болью в сердце и со страхом отпущу.

Мы обнялись, посидели минутку, я отстранилась и шепотом, как и он недавно, заговорщицки выдала:

— Равноденствие через три дня...

— Вряд ли ты с собой много вещей можешь взять. Вдруг при переходе ограничение по весу или еще какое-нибудь. Не надо рисковать!

На верное папино замечание я с задумчивым видом кивнула:

— Ты, как всегда, прав!

В этот момент на стол рядом с нами с грохотом упал меч в ножнах. Мы с отцом чуть не подпрыгнули от неожиданности. И вскинули испуганные взгляды, чтобы уставиться на маму в полном боевом облачении.

Тугой корсет плотно облегает торс с большой грудью, кожаные полоски юбки и нижняя рубаха не скрывают накачанных сильных бедер, а ремешки сандалий подчеркивают крепкие голени. Клевер Пчелка — лучший воин королевства феидов, что признано многими спецами, и звание бригадного генерала заслужила честно. Кровью и потом!

Высокая мощная фигура матери заслонила дверной проем. Упершись мускулистыми руками в бока, приподняв брови, она выразительно разглядывала нашу спевшуюся парочку.

— Ну, и о чем вы тут шушукаетесь? Машук, не верь Лютерции, правым ты бываешь

далеко не всегда, — раздался ее хрипловатый грудной голос.

Услышав его в бою, многие враги тут же пускались в бегство, уж больно угрожающе он всегда звучал. Это не мой писклявый голосок, в исполнении которого боевой клич, как заявила Регана Шмель, походил на кошачье завывание.

Услышав вопрос, мы с отцом синхронно нарисовали на лицах невинное выражение и захлопали ресницами, изображая святую простоту. На маму это почти всегда действовало. Особенно когда это делал папа. Ему она многое прощала — да все практически. Но только не мне.

Подозрительно нас осмотрев, родительница раздраженно заявила:

— Я весь день торчала в поле с солдатами, пришла домой, а мне даже пожрать не предлагают.

Отец заискивающе улыбнулся, вскочил и принялся хлопотать вокруг любимой супружницы. Я же подхватила со стола оружие и понесла в прихожую. Не забывая краем уха прислушиваться к отцовскому щебетанию и раздраженным порывиваниям мамы, неожиданно задумалась: «А если папа прав, что в том мире правят мужчины? Выходит, тогда я буду вот так, на кончиках крыльев, вокруг мужа порхать? А я готова к этому? И стоит ли вообще семейная жизнь подобного?» И все же мысль о том, что Видящий Мякун еще никогда не ошибался в своих видениях и предсказаниях, холодила внутренности беспросветностью. Войну я ненавижу!

Вернувшись в столовую, застала привычную картину: мама за обе щеки уплетала пироги, но стоило отцу подойти и поставить на стол кувшин соевого молока, любовно шлепнула мужа по ягодицам, а потом и вовсе прижала его к своему боку. Они улыбались, откровенно наслаждаясь обществом друг друга, и меня уже не замечали. Любовь, она такая — ослепляющая.

С завистью глядя на родителей, я, наконец, приняла твердое решение: однозначно рискну своей судьбой, чтобы обрести нечто подобное. Только постараюсь найти приличного мужа: спокойного и покладистого, как мой папа.

— Не забудь! Каждое равноденствие чтобы была в положенном месте! — напутствовал отец. — Пирожки я в холстину завернул. Яблочек тоже положил.

— Все поняла! Ты мне за эти три дня ожидания плешь проел! — нервно хохотнула я.

Заря уже занималась, а мы стояли на краю полянки неподалеку от дома и все не могли проститься. Уходили из дому тихонько, чтобы маму не разбудить. Боялись, проснется и не пустит никуда — сомнений нет. Для нее война — это жизнь. А мы с отцом — такие романтики и в любовь верим.

Последний раз прижалась к щуплому отцовскому плечу, резко отстранилась и распахнула крылья. Первый рассветный лучик скользнул по зеленым бархатистым кончикам и засиял на золотистом фоне. Подхватила с земли котомку и, не оглядываясь, взлетела в небо. У меня теперь своя дорога, а все нюансы мы с отцом обговорить успели. Маме он все расскажет, если только я к ночи не вернусь. Хорошо, что этот день равноденствия на выходной пришелся, а то за прогул влетело бы мне от Реганы Шмель по первое число.

К длительным перелетам за время обучения в Академии я привыкла. Как и ко многому

другому, что выпадает на долю любого курсанта. Разнотравье остался далеко позади, меня уже встречал разлапистыми елями, запахом смолы и сухих иголок под деревьями Заповедный лес. Среди густых веток лететь стало невозможно. Сложив крылья, я зашагала на своих двоих, осторожно ступая по земле, стараясь не раздавить братьев наших меньших — насекомых.

Свераясь с картой, которую по памяти нарисовал для меня отец, я упорно шла к своей цели. Несколько часов блужданий — и я ощутила странное желание побыстрее убраться отсюда; ноги отказывались идти дальше. И чем больше я прилагала усилий, тем сильнее давила в груди непонятная тяжесть. Казалось, все внутри меня кричит об опасности, запрещает двигаться в том направлении.

Значит, я на верном пути. Через силу, ощущая панику, буквально на подгибающихся от страха ногах я шла дальше. И вдруг все неожиданно закончилось. Ушли и страх, и слабость, и паника. А передо мной открылся вид на небольшой пруд, вдоль берега заросший ряской и лилиями. Сообразив, что наконец-то дошла, нашла это место, обрадовалась, захлопала в ладоши, даже попрыгала и приглушенно повизжала от радости. Здесь можно. Все равно никто не узнает, что Лютерция Пчелка ведет себя как мужчинка.

Следуя советам отца, почерпнутым из древних фолиантов, начала обследовать пруд. Нашла повисшую над водой длинную толстую надтреснутую ветку и взобралась на нее, не выпуская из рук котомку. С трепетом заглянула в воду и обомлела. В воде отражалась не ветка и моя собственная удивленная физиономия, а берег с «другой» стороны и узкий полуразрушенный мосток. К моему разочарованию — пустой.

Весь оставшийся день я просидела на ветке, глядя в воду, но никто разумный «там» так и не появился. Мои надежды обрести новую судьбу растаяли с заходом солнца. И до последнего лучика я все смотрела в воду, моля всех известных богов о помощи. Но тщетно!

Домой я вернулась ночью. Даже явное облегчение отца, которое он не успел или просто не смог скрыть, не вернуло мне настроения. Через день привычно полетела на службу, вскочив пораньше. Опоздать на утреннее построение — значит вызвать гнев комота Шмель. А впереди целый год ожидания новой попытки попасть в другой мир.

Пройдя защитный контур, я с облегчением вздохнула. Нагнулась и уперлась руками в колени, чтобы отдышаться. Четвертый год прохожу эту магическую преграду к порталу, и, похоже, с каждым разом давление на меня становится все сильнее.

Переведя дыхание, потянулась — из-за недавней паники мышцы чуть ли не судорогой свело. Убрала с лица растрепанные, мокрые от пота золотистые пряди. Одернула кожаный корсет и юбку военной формы — в этом году равноденствие пришлось на будний день. Мне с ночного караула пришлось буквально сбежать, чтобы к рассвету добраться к порталу.

Подхватив котомку, как всегда забралась на знакомую ветку и улеглась на нее, отдыхая. С «той» стороны по-прежнему отражался покрытый ряской берег, вода и трухлявые мостки, на которых, как и предыдущие три раза, никого не было. Хотя в прошлом году в «тех» краях побывали лешак с кикиморой. Не замечая меня, они решили предаться разврату, а я, открыв рот от удивления — пусть и ждала свою замену, но все равно было неожиданностью кого-то там увидеть, — наблюдала за парочкой. А потом, спохватившись, смутилась и неслышной

тенью скользнула с ветки на берег. Слышать их игрища слышала, но хоть не видела. Умом-то я понимала, что вряд ли кто такой же неприкаянный, как я, появится там во время разгула лесных жителей, но заставить себя уйти до заката не смогла.

Три года тщетных надежд и ожиданий притупили неуверенность и страх. Кажется, я уже сюда как на службу шла, исполняя свой долг. И каждый раз по возвращении во мне по кусочку умирала надежда на личное счастье. Папа все видел, но чем он мог помочь? Мама в прошлом году тоже узнала о цели моих отлучек. В первый момент ругалась и орала как оглашенная, а потом, словно сдувшись, резко успокоилась и неожиданно... расплакалась. Потом мы втроем сидели обнявшись, и я впервые за много лет чувствовала нас полноценной семьей. Если завтра я снова ни с чем вернусь домой, уверена, мама прикроет меня перед Реганой Шмель. Хоть это радует.

Держась за ветку одной рукой, я от нечего делать свесила ногу и поболтала ею. Потом, дотянувшись до воды, погрузила туда ладонь и лениво наблюдала за расходящимися кругами. Вообще, удивительно смотреть в пруд и видеть не илистое дно и рыбок, а залитый солнцем берег и одинокий, забытый всеми, мосток в никуда.

На «моей» ветке поселилась осиная семья, свила гнездо, вокруг которого постоянно туда-обратно сновали маленькие труженицы. С ними пришлось отдельно договариваться еще в первый раз, мол, я здесь просто лежу и ничем не угрожаю их дому. Пьянящие ароматы трав, цветов и нагретой солнцем земли витали в воздухе, способствуя покою и умиротворению на лоне природы. Недолго сопротивляясь, я задремала под мерный шелест листьев на легком ветерке и жужжание ос...

Проснувшись резко, словно от маминого «волшебного» пенделя. Рефлекторно схватившись за ветку, открыла глаза и замерла, прислушиваясь и приглядываясь.

А разбудил меня, как выяснилось, женский плач, сопровождаемый тихими ругательствами.

Затаив дыхание, я наблюдала за высокой, как и большинство феид, девушкой. Разворот плеч не такой широкий, как у моих сородичей, но все же сразу видно — сильная, развитая. Кожа у незнакомки была очень смуглая, по сравнению с белокожими феидами и теми же эльфами — даже чересчур, но это ее не портило. Над головой угрожающе торчали острые пики сложенных на спине крыльев — кожистых, как у летучих мышей. Черты лица — правильные, но не смазливые, как у меня. Черные косы уложены короной на темени, а на лбу торчат небольшие рожки, произвольно вызвавшие у меня тихий вздох удивления. Одежда — мужская: широкие шаровары и жилет.

Незнакомка на том берегу как-то потерянно осмотрела окружающий пейзаж, словно не поняла, куда попала, затем, стиснув кулаки, опять зарыдала. Причем плакала не так, как мужчинки... или я — если уж быть честной с самой собой, — а как настоящая женщина: зло, скупое. Но от этого ее страдания не меньше выворачивали мою душу.

Женщина принадлежала к неизвестной мне расе, и потому стало еще любопытнее узнать ее поближе. Ведь можно было с уверенностью сказать, что она своей жизнью недовольна. И несмотря на невольное сочувствие к чужачке, во мне проснулась дремавшая, пока еще робкая надежда на изменения в собственной жизни.

Задрав голову и закрыв глаза, незнакомка подставила лицо лучам солнца, какое-то время шумно дышала, потом сквозь зубы прорычала глухим убитым голосом:

— Ну за что? За что меня так наказывать?

Я не знала, как прервать стенания и привлечь внимание к себе.

Опустив плечи, девица зло и резко вытерла слезы, затем, схватив палку, начала колотить по стволу ближайшего дерева. В первый момент я в полном изумлении рассматривала ее... хвост, а потом возмущенно завопила:

— Ты что — очумела? Дерево бить! Ему же больно!

Незнакомка застыла с палкой в замахе и медленно настороженно осмотрелась.

— На мостик встань и в воду загляни... — уже весело посоветовала я.

Девушка, зыря по сторонам черными глазами, все же выполнила мою почти просьбу и, подойдя к мосткам, попробовала их на прочность. Доски хоть и заскрипели, прогнувшись под ее, видимо, не малым весом, но выдержали. Добравшись до края, она взглянула на воду. Я улыбнулась и помахала ей ладонью.

— Привет! Меня зовут Лютерция! А тебя?

Теперь пришел черед незнакомки, открыв рот, разглядывать «отражающуюся в воде» меня на фоне пейзажа. Она судорожно вздохнула, недоверчиво осмотрела окружающее пространство, а потом вновь вернула свое внимание мне.

— Поверь! Я реальна! Просто это портал в другой мир! — снисходительно пояснила я.

Девушка плюхнулась на попу, от чего мостки заскрипели еще сильнее и жалобнее.

— Ты кто? — выдохнула она. А затем, решив, видимо, проверить, не галлюцинация ли все это, протянула руку, как и я в первый раз, и несколько раз провела по воде.

— Я — Лютерция Пчелка! Феида! А ты? — напомнила ей о себе.

Проникающие сквозь листья лучи солнца начали приобретать красноватый оттенок, извещая, что закат близок, надо торопиться.

Наконец, она выдохнула:

— Манула! Я — демоница! А ты правда в другом мире?

— Правда! — Я кивнула. — Это портал в мой мир. Он открывается всего раз в году на весеннее равноденствие. И действует только от рассвета до заката.

Манула, все еще не в силах поверить, коснулась воды кончиками пальцев, наверное, там, где отражалось мое лицо.

— Невероятно! Я знаю про блуждающие порталы на Темных территориях, но стационарный... да еще бесхозный...

Я решила спросить с намеком:

— Я пропустила момент, когда ты на берегу оказалась...

Она, похоже, вспомнив причину, по которой здесь очутилась, сморщилась и пояснила:

— Демоны могут создавать порталы перехода в пределах своего мира — не более. И вообще-то, на короткие расстояния. Хотя я не знаю, где это место находится. В таком раздразе была, что просто пожелала попасть туда, где никого нет на многие лиги вокруг.

Я тут же воспользовалась представившейся возможностью и участливо спросила:

— А что случилось? Прости меня, но я видела, как ты плакала, может, смогу чем-то помочь тебе?

Манула на мгновение напряглась, потом, махнув рукой, расслабилась и поделилась:

— Вся моя жизнь сегодня изменилась. Точнее, рухнула в одночасье. И вряд ли ты мне поможешь чем-то. — Она на секунду замолчала, а потом, воодушевленная чем-то, выдохнула. — Если только не подскажешь, как в твой мир попасть.

Я состроила задумчивое выражение лица и поинтересовалась:

— Может быть, и подскажу, если расскажешь, что такое случилось, раз ты даже в другой мир хочешь сбежать?

Несколько мгновений демоница раздумывала — рассказывать или нет, потом заговорила:

— Кому-то это покажется глупостью, а для меня — разбившиеся мечты, да и вообще смерти подобно.

Отметив мои приподнятые в удивлении брови, пояснила подробнее:

— В моем клане принято на совершеннолетие ходить к оракулу. И он предсказывает имениннику судьбу.

— Зачем? — опешив, спросила я. Мы Видящих лишь по важным сложным проблемам беспокоим. А тут — подарок имениннику.

— Чтобы не растрчивать время впустую. Зная свою судьбу, можно лучше подготовиться к ее главным событиям.

— Но ведь таким образом ты предопределяешь ее, теряешь право выбора и...

— И тратишь время зря! — парировала Манула. — Тем более нам говорят лишь главное, предначертанное, неизменное.

— И что же предсказали тебе? Раз ты так расстроилась? Скорую смерть? — спросила я и затаила дыхание в ожидании ответа.

Манула скривилась, скрипнула зубами, и ее словно прорвало:

— Я мечтаю о славе, о доблести. Я сильная, умная, хитрая... Да я круче многих воинов-мужчин, а мне... а меня... а оракул сказал, что моя судьба — стать тенью мужчины.

— В каком смысле? — насторожилась я.

Вдруг быть тенью мужчины — это что-то ужасное и смертельно опасное. Мне такой судьбы не надо.

Демоница же в бессильной ярости зарычала:

— Оракул сказал, что я не о войне, а о «ратных» подвигах на кухне да в мужниной постели думать должна. Что моя судьба — быть женой, а не воином! Представляешь?!

Чувствуя, как меня накрывает волна облегчения, улыбаясь, выдохнула:

— Неужели это для тебя настолько ужасно? Чтобы любили? Чтобы семья и дети?.. Мужчина был?

— Ты шутишь? — взвилась «несчастливая». — Я демоница! В моей крови огонь. Я рождена, чтобы побеждать, а не подчиняться. А мне предстоит яйца высиживать.

Последнее она добавила с таким отвращением, что я заинтересовалась:

— В каком смысле — высиживать?

Манула поморщилась:

— Не бери в голову! Это я так... к слову пришлось. — Мгновение заминки, и девушка попросила: — Лучше расскажи о своем мире.

Демонстративно равнодушно пожав плечами, я коротко описала свой мир.

— Всего три высшие расы? — удивилась собеседница. — Мой мир называется Ращ, у нас гораздо больше высших рас, не считая низших: кикимор, домовых, лешаков и всякой нечисти.

— То есть у вас мужчины не все подобные тебе, смуглокожие и рогатые? — заинтересованно спросила я.

— Нет! — понятливо хохотнула она. — На любой вкус. Выбирай любого. Тем более с такой смазливой мордашкой... замучаешься отбиваться от желающих.

— Ты так думаешь? — недоверчиво, но с надеждой спросила я.

— Конечно! Вообще, ты на феечку похожа, но они давно, говорят, покинули наш мир. А

если тебе крылья убраться — на эльфу.

Теперь я скривилась:

— Не сравнивай меня с этими бескрылыми трусами!

Демоница усмехнулась, с интересом рассматривая меня. Затем вкрадчиво поинтересовалась:

— А ты что там на ветке делаешь?

Я пожалала плечами и с деланным весельем ответила:

— У меня похожая проблема. Предсказание Видящего! Только тебе мужа нагадали, а мне — войну. А я ее ненавижу.

— А я мужиков ненавижу. Те искренне считают, что правят нашим миром, — зло и отчаянно выдохнула Манула.

Сложно поверить в подобное, но ее слова я приняла на веру. Не в том мы положении, чтобы врать в таких вещах, да еще сказанному с такой экспрессией.

— А в моем мире матриархат! — почти хвастливо заявила я, чем изумила собеседницу безмерно.

У нее восторженно загорелись глаза.

В этот момент я заметила в воде отражение красного заходящего светила. День заканчивается, как и моя возможность изменить судьбу. Во взгляде демоницы я отметила панику, та тоже закат увидела.

Мы одновременно выдохнули:

— Помоги попасть в твой мир!

— Давай судьбой поменяемся!

И обе пораженно замерли, боясь поверить услышанному.

Манула опомнилась первой:

— Поменяться судьбой?

— Да! Попасть в мой мир можно, лишь приняв мою судьбу. То же случится и со мной, но только в отношении твоей.

— Война и никаких мужиков? — восторженно уточнила демоница.

Я кивнула и тоже спросила:

— Семья и дети?

Теперь она согласно кивнула.

— Меняемся? — выпалили синхронно.

— Да! — снова один совместный радостный выдох.

По воде побежали красные лучики заката, и мы, больше не раздумывая, потянулись руками друг к другу. Самое удивительное, что момент прикосновения ощутили обе, а потом я очутилась в воде. Судорожно барахтаясь, но не выпуская из руки намокшую котомку, я рванула к поверхности. И каково же было мое удивление, когда, всплыв, я чуть не тюкнулась макушкой о мостки.

Выбравшись на них, отдышалась, с трудом раскрыла крылья, стряхивая с бархатистой поверхности капельки, и со страхом посмотрела в воду. Сквозь рябь и поднявшийся песок я увидела «свой» берег и Манулу, забравшуюся на мою бывшую ветку.

Обе хрипло просипели:

— Получилось!

Счастливо улыбнулись, помахав руками друг дружке. Я вспомнила о важном:

— Манула! Двигайся, чтобы светило после рассвета смотрело тебе в спину. Выйдешь к

Разнотравью. Это мой город. Спросишь дом бригадного генерала Клевер Пчелки. Мой отец Маш и мама Клевер в курсе дела. И пообещали помочь моей преемнице.

— Спасибо, учту! — поблагодарила демоница и уже в сужающееся окно портала выкрикнула: — Остерегайся черного дракона!

— Почему? — воскликнула я.

— А то придется высиживать его яйца, — беззлобно, но насмешливо ответила Манула.

Демоница спрыгнула с ветки и исчезла из поля моего зрения. И все. Где, спрашивается, ответное гостеприимство? Я с досадой саданула по воде, там, где виднелось илистое дно вместо закрывшегося портала. Ну что ж, я добилась своего: попала в другой мир и изменила судьбу.

— Наслаждайся, Лютерция, — со здоровой иронией процедила я, все еще глядя в воду и пытаюсь поверить в случившееся.

Вода успокоилась, и я «полюбовалась» на свое отражение. Мокрые волосы облепили голову и шею, подчеркивая идеальный овал лица и тонкую шею. Слегка оттопыренные — опять же причина насмешек надо мной — остроконечные ушки из-за мокрых волос выделялись еще сильнее. Большие глаза болотного цвета ярко горели от переживаемых сейчас мной эмоций. Нос я морщила с досады, ведь так и не успела уточнить у демоницы, почему мне надо опасаться черного дракона. И еще: какого-то конкретного дракона или всех поголовно?

И вообще — во время разговора мы так старательно мямлили и ходили вокруг да около, что не успели рассказать друг другу о своих мирах. Вернее, Манула не успела. Мое отражение скривило полные чувственные губы. Не зря Регана и моя мать всегда твердили, что я слишком много болтаю... Как мужчинка. Что со мной в разведку нельзя ходить. Если только засланным дезинформатором отправить, не предупредив заранее. Да в напутствие рассказать о чем-нибудь по большому секрету. О чем-то таком, что ну совершенно никому сказать нельзя. Ни словечка. В этом случае тайна начинает выжигать меня изнутри и просто норовит абсолютно случайно вырваться наружу.

Красные лучики закатного светила коснулись моего лба и засверкали, отразившись в накопителе. Я поправила обхватывающий мою голову обруч из переплетенных в руны тонких золотых усиков. Спускаясь почти до переносицы, усики оплели драгоценный камешек янтарит в виде желтой капли, который и служит накопителем, собирая излишки моей энергии. В случае магического истощения можно ею воспользоваться или, например, как сейчас — не тратить собственную.

Коснувшись пальцем накопителя, проверила его уровень — полный под завязку. Это хорошо, учитывая незнакомый мир и место, в частности. В моем бывшем не везде можно было рискнуть заночевать без магического резерва.

Выпустив капельку энергии, высушила вещи и волосы, затем, достав свои короткие мечи из котомки, привычно занялась их шлифовкой и уходом. Они хоть и заговоренные от нечисти, да только вода даже камень точит, про металл вообще молчу. Бытовой нож на бедре, а также боевой, прикрепленный к голени, я тоже обиходила. Мое оружие — это мои верные друзья-любимчики.

Темнело быстро. Я создала магического светляка и осмотрела ближайшие деревья с целью выбрать место ночевки. Взлетев на самое удобное, то самое, что защитила от буйства демоницы, устроилась меж двух толстых надежных веток. Поужинала отцовскими пирожками и договорилась с точильщиком, что спрячется под корой от дятла. Насекомое

пообещало предупредить меня, если ночью кто решит потревожить... внепланово.

Спустя час, продрогнув, с грустью отметила, что на Рахе прохладнее, чем в моем мире. Пришлось выпускать крылья и укутываться ими в кокон. Согревшись, снова вернулась к своим тревожным мыслям и предупреждению Манулы. Драконов я видела только на картинках в книгах из прежнего мира, что нам в Академии показывали. Препод говорил, что драконы двупостасные. Про демонов тоже рассказывали, но картинок я не видела. Не помню почему, но думаю, в тот момент била кому-нибудь морду за очередную насмешку. Мифические существа из прежнего мира меня тогда мало интересовали, а вот гордость страдала невероятно. А жаль, я, как выяснилось, многое пропустила и не знаю о месте, с которым теперь связана моя жизнь.

Лежа на ветке и уже засыпая, я невольно усмехнулась вывертам судьбы. В Атураше, моем бывшем мире, я всего боялась, но то и дело лезла в драку, защищая себя от насмешек. Гордость заставила научиться постоять за себя. И пусть в контактном бою я все время была бита, на мечах или в магическом спарринге я все ж не самый пропавший боец. Так что в этом, новом для меня мире, где правят мужчины, я смогу неплохо устроиться. Должна! Может, даже стану одной из первых женщин-воинов. Если судить по Мануле, я не так уж уступаю ей в силе.

С этой оптимистичной мыслью я уснула.

Три дня я двигалась по густому лесу, пока путь не пересекла широкая каменистая река. Куда идти? Выше в горы или вниз по реке? Наверняка города и поселки не в горах строятся. По крайней мере, на Атураше, где есть высокие горы, покрытые снежным покровом, все селятся в низинах. За исключением северных эльфийских кланов, которые занимают предгорья. Понятное дело, они — самые трусливые и точно знают: нечисть холода не любит. Как и яркого дневного света нашего светила и искрящегося снега.

Поразмыслив об этом, выбрала путь вниз по реке. И если раньше приходилось ножками топтать, то теперь, расправив крылья, я не торопясь летела. Магия солнца буквально переполняла меня. Резерв под завязку, настроение отличное, хотелось петь, а временами и вопить от счастья. Я — в мире, где для меня предначертаны любовь, семья, дети.

Я летела и мечтала о милом добром мужчине без особых претензий. Неужели я не найду здесь такого? Да быть не может! Какой мужчина не захочет переложить на свою женщину заботы о пропитании и добыче средств к существованию? На Атураше такого я пока не встречала! Все они сначала на внешность клюют, потом о доходе спрашивают, а уж тогда рассматривают женщину как пару. Но ничего! Это я на Атураше половиной была, а здесь... А здесь я всем докажу... покажу... в общем, постараюсь не ударить в грязь лицом. Да и Манула говорила, что в этом мире на мое смазливое личико мужинки одобрительно реагировать будут...

Близился вечер, и я решила поискать дерево для ночлега. Ягод, грибов и орехов за время пути я насобираала, так что ужином обеспечена. Но мои мирные планы нарушил крик, кажется, мужской — уж больно много паники и ужаса было в голосе. Прибавив скорости, рванула в лес. Из-за густых ветвей пришлось вновь сложить крылья и бежать сломя голову, выхватывая на ходу мечи. Пока неслась, даже размечталась: вот сейчас спасу мужчину, и он как расчувствуется, как мною развосхищается... Вполне возможно, поиски мужа можно будет не продолжать.

Выскочив на поляну, резко остановилась, словно на стену наткнулась. Три здоровых волколака — такие из Темных территорий иногда к нам просачивались — окружали стройную, до ужаса напуганную... девушку. Хотя ее фигура напоминала скорее мужскую, но, увы, сомнений не было — это женщина. Хоть и визжала она не хуже любого мужинки. Похоже, неудачница и половина, вроде меня. Она, прижавшись спиной к дереву, оборонялась длинным ножом и острой веткой.

Не раздумывая, я вихрем налетела на волколаков. С подобными тварями мы сталкивались на границе во время стажировки, так что как убивать их я знала в совершенстве. Наши преподы говорили, что этими чудищами оборачиваются люди — бескрылая, короткоживущая раса, хоть и довольно опасная и сильная, когда их много. На них яд волколаков именно так действует — меняет, тогда как нас ослабляет сильно и регенерацию снижает. Да и людей на Атураше нет, зато здесь живут, насколько я понимаю.

Тварь, похожую на жуткого волосатого феида, я зарубила легко, тем самым сумев пробиться к девушке. Со вторым волколаком немного повозилась, но, вонзив заговоренную сталь ему в грудь, краем глаза увидела, как девчонка продолжает неумело отбиваться палкой от третьего. Выхватила из-за ремешков на голени кинжал и метнула чудищу в спину.

Он еще не успел рухнуть на землю, а никчемная девица странным рыжим пятном

быстрее стрелы метнулась ко мне и буквально намоталась на шею и плечи. Ничего не видя из-за густого рыжего меха, я шлепнулась на попу рядом с поверженным волколаком и, выплевывая волосы, попыталась отодрать от себя еще одно чудовище. Я уже нашарила рукоять кинжала, так опрометчиво отправленного в волколака, чтобы вонзить в тело этой неблагодарной, что решила меня задушить, когда услышала рыдания и слова благодарности:

— Спасибо, спасибо, спасибо!.. Они меня чуть не задрали. Они меня чуть не съели, не слопали, шкуру не содрали. Они... они чудовищны-ы-ы... страшные, и если бы не ты-ы-ы...

Дальше следовали судорожные всхлипывания.

С огромным трудом я размотала живой меховой узел на шее и с таким же величайшим трудом отстранила от себя подальше говорящее рыжее животное, закатившее истерику. Заодно разглядывая. Оказалось — лиса! Вот так! Новая судьба столкнула меня с оборотнем! И я погорячилась, считая ее половиной, она даже на четвертину от настоящей женщины не тянет.

Узкая рыжая мордочка с глазами полными слез невольно умиляла и вызывала сочувствие. Лисичка пушистой лапкой потерла нос и, оглядев себя, виновато посмотрела на меня. Уже через мгновение рядом вновь сидела... девушка, наверное. Мои никуда не годные знания про обитателей этого мира помогли только отнести это бескрылое, безрогое, субтильное существо женского пола, во второй ипостаси похожее на феидов или эльфов, к расе оборотней. И то только потому, что эта с легкой рыжинкой блондинка с косой до лопаток на моих глазах обернулась лисицей.

Оборотница благодарно и растерянно уставилась на меня синими узкими, но красивыми глазами, принявываясь прямым симпатичным носиком. Я тоже рассматривала ее. Ничего так девчонка, хорошенькая, даже остренький подбородок не портит черты ее лица, а придает еще большей ранимости. В общем, выглядит как беззащитный мужинка. Да еще и одета в полотняную рубаху до середины бедра, поверх которой кокетливая безрукавка с вручную — а не магически — вышитыми узорами. Узкие штаны из плотной ткани. И обувка «соответствующая» — мягкие кожаные не то тапочки, не то...

Поймала себя на том, что смотрю на нее с презрением и испытываю то же самое. Прямо как мои сокурсницы при виде меня... Ощувив резкий внутренний протест и стыд, я стерла с лица презрительное высокомерное выражение и мысленно поклялась никогда не быть такой, как они, — не унижать, не презирать за слабость и непохожесть. Ведь всегда можно найти, за что уважать разумное существо.

Девушка продолжала изучать меня из-под густой челки, все еще дрожа от пережитого страха. Я сочувственно улыбнулась ей, так, как всегда ободрял меня отец, и — о, чудо! — лисичка сквозь слезы неуверенно улыбнулась мне в ответ.

Я уже открыла рот, чтобы спросить, как ее зовут, когда неожиданно раздались неприятные чавкающие звуки, а уж запах попер и вовсе тошнотворный. Оборотница подскочила, схватила свою тощую котомку, брошенную возле дерева, вцепилась в мою руку и потащила за собой. Хотя я сама уже готова была бежать впереди нее. А все потому, что волколаки, приконченные моими клинками из заговоренной стали, начали стремительно разлагаться, источая омерзительную вонь.

Мы в ускоренном темпе молча прошли с четверть лиги. Сумерки сгущались, скоро совсем стемнеет, а с местом для ночлега я еще не определилась.

Как выяснилось, проблема ночевки занимала не только меня. Спутница приятным голоском поделилась:

— Я этими местами в детстве с папой ходила, тут есть небольшой прудик, возле него и заночуем. Будет и ужин из рыбки, и водичка, а охранку я сейчас самую надежную нарисую, чтобы ни одна тварь не проскользнула.

Я с легким удивлением скосила взгляд на девицу. Еще недавно она комком меха висела у меня на шее и билась в истерике, а теперь фактически командует. Ничего себе... четвертина!

Но возмущаться ее командирскими замашками не стала. Ведь для меня она сейчас источник информации о новом мире. О его традициях, нравах, обычаях и расах. Если уж я здесь, то зачем торопиться с выбором мужа. Мне же завалищий не нужен. Лучше поискать самого лучшего, подходящего именно мне, и главное — по сердцу.

— Тебя как зовут? — спросила ее.

— Невель Рыжуха. Я из клана лисиц, — быстро ответила оборотень, а потом, вновь неуверенно улыбнувшись, полюбопытствовала: — А ты эльфа?

Я вскинулась от такого оскорбления:

— Не сравнивай меня с этими трусами! Я — феида!

— Трусами? Эльфы? Феида? — опешила Невель. — А кто такие феиды?

Я выпустила и распахнула крылья, а лиса, остановившись, восхищенно выдохнула.

— Фе-е-ея?.. А в легендах сказано, что вы маленькие и слабые, а ты вон какая... сильная. А как ты здесь очутилась? Вас уже несколько тысяч лет никто не видел...

Невель обошла меня и, протянув руку, с трепетным «можно» благоговейно коснулась зеленого края моего крыла.

— Красивые-е-е! Ой, они же на ощупь как у бабочек: бархатные и тонюсенькие. А ты летать умеешь?

Ее замечания стали лечебным бальзамчиком для моего израненного самолюбия. А последний вопрос вызвал снисходительное самодовольство. Лениво взмахнув крыльями, от чего волосы и полы рубахи Невель затрепетали на ветру, я поднялась над землей метра на два, гордо заявив:

— Выше не могу — ветви мешаются.

Лисичка запрыгала от радости, хлопая в ладоши:

— Боги, они потрясающие. И такие яркие, цветные: чистое золото, а по краям — как сочная трава. Клянусь хвостом — ты счастливица, что можешь летать.

Ну честное слово, прямо восторженный парнишка-феид. Я приземлилась, убрала крылья и снисходительно похлопала девушку по плечу:

— Поверь, крылья не спасают от проблем. И не в их красоте счастье.

Невель кивнула понятиливо и, хитренько посмотрев на меня, спросила:

— И как ты здесь очутилась? Из-за проблем?

Вспомнив слова Манулы о порталах, воспользовалась ее невольной подсказкой:

— Я не знаю, где это «здесь». Попала в блуждающий портал... нечаянно.

Невель нахмурилась и окинула меня внимательным оценивающим взглядом. Детская непосредственность в ее, почему-то мне кажется, грустном взгляде испарилась бесследно.

— Блуждающие порталы появляются лишь на Темных землях. И это знает каждый житель Раша.

— А мне, вот, достался один заблудившийся! — возразила я жестко. — И я не нечисть, между прочим.

Оборотница стусевалась, пожала плечами и спросила, продолжив, наконец, наш путь:

— А как зовут мою спасительницу?

— Лютерция Пчелка! — примирительно улыбнулась я.

— Лютик, значит? — расплылась в улыбке Невель.

— Р-р-р-р, меня так только папа зовет. И будет лучше, если ты ко мне полным именем обращаться будешь.

— Ой, прости, но если близким можно, то, наверное, друзьям — тоже? — настойчиво допытывалась она.

— А ты что, в друзья набиваешься? — удивилась я.

Невель смутилась, расстроено поджала губки и разочарованно ответила:

— Я думала, раз мы спаслись вместе... и в бою поучаствовали и...

— Ты? В бою? — расхохоталась я. — Да ты меня чуть не задушила своим мехом.

Плечики лисички опустились, голова тоже, вновь напомнив меня саму в учебке. А еще впервые за сорок лет жизни мне предложили дружить. Вот так, долго не раздумывая. И больше того, не из жалости, а нуждаясь в моей дружбе! Это действительно стало новым событием! И неожиданно приятное тепло начало разливаться у меня в груди. Стоило попасть в другой мир, и у меня сразу появилась подруга — боги милостивы ко мне вдвойне.

Благодарно пожав плечо Невель, я объявила:

— Ты права! В бою мы победили, вместе путешествуем, ночлег сейчас разделим, так что грех не подружиться.

Отметив в глазах лисички неуверенность и сомнения в моей искренности, я, забыв прикусить язык, щедро предложила:

— Ну и можешь по дружбе звать меня Лютик.

Она снова радостно запрыгала и захлопала в ладоши. Потом и вовсе опять кинулась обниматься, вынудив меня вытянуться столбом и терпеливо ожидать окончания. Все же к подобным излипаниям я абсолютно не привыкла. Особенно от женщин. Я понимаю — мужчинки, но женщины... Нет, это уму непостижимо.

— У вас все женщины так себя ведут? — поинтересовалась вкрадчиво. В конце концов, надо же приниматься за изучение местных нравов.

— В каком смысле «так»? А-а-а... прыгают? Да нет, не все, но бывает часто. Мы же эмоциональные и... — Невель оборвала свои пояснения и уставилась на меня. — А что, у вас по-другому? И где это у вас?

— У нас — это у феидов! И нет, у нас так не принято, — ушла я от скользкой темы.

В этот момент мы подошли к обещанному водоему. Осмотрев поляну и окружающие елки, я с тяжелым вздохом спросила:

— Это и есть место ночлега? Тут же ни одного подходящего дерева нет, на котором можно устроиться.

— Ты что — на дереве спишь? — удивилась Невель. И спохватилась. — Ах, ну да, у тебя же крылья. А мне приходится либо норки искать, либо прямо на земле спать.

— Не боишься, что в норках хозяева встретить неласково могут? — улыбнулась я.

Невель откинула на спину рыжеватую косу и весело прорычала:

— Я — хищник! Пусть они меня боятся. — Отметив откровенный скепсис на моем лице, вызванный обстоятельствами нашего знакомства, она поспешила оправдаться. — На самом деле я не трусиха. Ты не думай! Знаешь, волколаки... с ними не договоришься. Не сбежишь. А этих еще и трое оказалось. Я задумалась, бдительность потеряла и буквально к ним в лапы угодила. А вообще удивительно, что они так далеко в горы забрели...

— Почему удивительно? Разве нечисть света и холода не боится? — удивилась я.

На Атураше эти твари ничего и никого не боялись, пока, правда, с нашими пограничницами не сталкивались. И все же встречались они исключительно на Темных землях, как называли территории вокруг порталов.

— Да нет, они только огня боятся да стали заговоренной. Просто земли оборотней выше в горах, а мы истребляем волколаков без жалости. И хотя люди обвиняют нас в их существовании, это неправда! Эту заразу, которая с каждым годом все больше распространяется, Темные колдуны сотворили.

Я согласилась:

— Темные — зло!

Невель кивнула, тяжело вздохнула и шустро пробежалась между елочками, собрав ветки. Я тоже набрала хвороста — пригодится для костра, ночь впереди длинная.

Затем лисичка, шустро передвигаясь на корточках, очертила место стоянки большим кругом, рисуя закорючки и шепча заклинания. Я ощутила слабый всплеск чужой силы. Девушка явно работала с рунной магией, или как называли ее наши преподы — шаманской. Такой на Атураше орки владели, а эльфы и феиды просто не способны использовать силу духов природы и своих предков.

Невель закончила и обернулась, удивленно уставившись на тоненькие прутики, на которые я нанизывала грибы, собранные за день.

— Ты — травоядная? — осторожно спросила она.

Я усмехнулась, нисколько не обидевшись. Так нас звали орки и большая часть эльфов. У этих трусов южные кланы тоже мясо не едят, как и мы.

— Нет, я не травоядная! Естественно, я не ем мясо животных и пернатых, но я люблю рыбку, и мы молоко пьем.

— Тяжело же вам приходится, — жалостливо протянула оборотень.

А я совсем расслабилась в ее компании. Она даже если и удивлялась чему-то, то с пониманием, а я не возмущалась и, снисходительно улыбаясь, пошутила:

— Вовсе нет, мы даже на насмешки не реагируем.

Закончив с грибами, я заострила длинную палку и решительно отправилась на рыбалку. Заводь хоть и небольшая, но рыба там плескалась. И без вкусного ужина мы не останемся.

— Невель, а почему ты здесь одна? Если такая беззащитная и слабая? — не удержалась я от вопроса, вернувшись с уловом.

В этот момент лисичка разжигала огонь. И взметнувшиеся язычки пламени осветили ее печальные глаза и расстроенное личико. Она пожала плечами и, словно не найдя повода смолчать, глухо заговорила:

— Я сирота! Родители под завалом погибли, когда щенком еще была. Меня дед с бабкой воспитывали. В прошлом году люди из низин попросили помочь с волколаками. Деда пошел с отрядом наших воинов... Его задрали.

Она тяжело вздохнула. А я, воспользовавшись моментом, не могла не спросить:

— А кто разрешил твоему деду на волколаков идти? Разве можно с воинами мужчинкам ходить? Да еще на охоту?!

Невель изумленно уставилась на меня.

— Дедушка не старый... был. Оборотни живут так же долго, как и другие высшие расы. Деду исполнилось лишь двести лет, кто же ему запретит воевать?

— Твой дед — воин? — Теперь наступил мой черед пораженно таращиться на нее.

Невель замерла, перестав чистить рыбу, и изумленно заявила:

— Ну да! В нашем клане каждый мужчина — воин. Да в любом клане мужчина всегда возьмет в руки оружие, если в том будет нужда. Разве может быть по-другому?..

И смотрела она на меня уж слишком странно, словно на глупенькую девочку. Я нервно хихикнула, вспомнив, что недавно в разговоре с отцом говорила то же самое, только про женщин.

— У нас матриархат, — выдавила я.

И не было в моем голосе хвастовства, как давеча, только констатация факта.

Невель недоверчиво смотрела на меня, потом быстро окинула меня взглядом, а потом едва заметно кивнула и сделала вывод:

— Теперь понятно, почему ты так профессионально владеешь оружием. — Ее голос звучал уважительно и даже по-хорошему завистливо. — И так легко с тремя волколаками справилась. Я, конечно, слабачка и, если честно, трусишка, хоть и оборотень. Но с тремя тварями и воин помучился бы.

— Я — воин! Почти... Остался последний год стажировки и... — врать толком не умею, поэтому призналась. А уж предположения, кем бы я стала «там», вообще озвучивать не стала.

Моя судьба теперь здесь!

Лисичка спрятала горящие от любопытства и невысказанных вопросов глаза за густыми рыжими ресницами, расковыряла палочками угли, затолкала в них рыбку, завернутую в толстые листья мурши. Такое растение и у нас растет, и воины часто используют тот же способ приготовления рыбы в походных условиях. Этот факт еще больше сблизил меня с новым миром. Должно быть, они действительно очень похожи.

Закончив с едой, Невель пошла мыть руки, заступив за охранную линию, затем завершила линию защитного круга, и я ощутила, как загудела магия. Потом уселась на торчащий из земли камень и, внимательно вглядываясь в мои глаза, глухо спросила:

— Лютик, ты из другого мира?

— Почему ты так решила? — осторожно спросила я.

— В детстве дед часто брал меня торговые обозы сопровождать. Я видела представителей многих рас, но таких, как ты, — ни разу. Про фей на Раше уже тысячелетия не слышали и не видели. Ты — воин. И одета ты, извини за прямоту, слишком откровенно. Так только демоницы и ведьмачки из людей одеваться могут. Да и то с сильным даром, чтобы суметь постоять за себя и свою честь.

Я недоуменно окинула себя взглядом. Пожала плечами и пояснила:

— Это военная форма. Дома мы короткие, до колен, сарафаны носим. Ну не брюки же мне носить... как мужчинкам.

Невель, услышав последнее сравнение, захохотала. Утирая слезы, она заявила:

— Эх, слышал бы глава нашего клана твое «мужчинки». Его бы удар хватил.

Я неуверенно улыбнулась нечаянной подруге, но пока мне сложно было понять, что же вызвало ее смех.

Лисичка, заметив мое недоумение, пояснила:

— Просто слово «мужчинка» подразумевает слабое существо, беззащитное.

— И что? — все еще не понимала я.

Невель, тяжело и в то же время насмешливо вздохнув, заявила:

— Если бы ты видела хотя бы одного мужчину-оборотня, ты бы никогда их так не назвала. И теперь я уверена, что ты из другого мира. Старики рассказывают про таких, как ты, — попаданцев из иных миров. — Помолчав, Невель уже мрачно закончила: — Темные

колдуны тоже пришли из другого мира.

— Атураш — зеркальное отражение Раша. Я попала сюда через портал, как и говорила. И не лгала, говоря, что не знаю, где я. Обрато попасть в свой мир возможности у меня нет. И желания такого — тоже.

Невель, сложив ладошки перед грудью, с восторгом взирала на меня.

— Потрясающе! Моя подруга — попаданка!

— Надеюсь, не в очередные неприятности! — невесело, но польщенно буркнула я.

Девушка потянулась ко мне всем корпусом и, заглядывая в глаза, попросила:

— Научи меня так круто драться, а?

— Давай попробуем... подруга! — с особенным удовольствием выделила я последнее слово.

Ведь у меня впервые есть живой друг, помимо мечей и кинжалов.

Невель вновь расковыряла угли и вытащила один из свертков с рыбой. Развернула — и мы обе вдохнули аппетитный аромат. Молча расправились и с рыбкой, и с грибами, запив водой из бурдюка оборотницы.

Закинув под головы котомки, улеглись рядышком под елкой. И я, наконец, решилась до конца выяснить интересующую информацию:

— Невель, ты так и не рассказала, как оказалась здесь одна? И куда идешь?

Девушка лежала на спине, обняв себя руками и глядя в звездное небо. Скосив на меня взгляд, посмотрела, потом, вернув внимание звездам, тихо заговорила:

— Оборотни выбирают пару на всю жизнь. После смерти деда бабушка повредилась умом. Ее забрала в семью моя тетка Агапья. Но у нее детей много, дом небольшой... в общем, мне места там не нашлось.

— Жила бы в своем доме. Нашла бы себе мужинку... э-э-э... мужа. И завела бы семью, — не поняла проблемы я.

Невель повернулась на бок, лицом ко мне, и тихо-тихо пояснила:

— Наши мужчины сильные телом и духом. И хотя мой клан лис не из самых сильных и суровых, но... слабых не любит. Хоть и жалеют, и защищают. Но жен лисы выбирают себе под стать. Нет, меня, конечно, в жены нашлось бы кому взять, но по сердцу самый сильный пришелся — сын нашего главы. На прошлой неделе он женился. Моя племянница его парой стала. А я больше не могла в клане оставаться. Вот и ушла...

Мы обе молчали. Она, надо думать, окунувшись в свои печальные воспоминания, а я — жалея подругу. Мы с ней оказались похожи: слабые и неудачливые. Взяла ее за руку и пожала, делясь сочувствием и пониманием. Невель же притиснулась ко мне и, уткнувшись носом мне в декольте корсета, разрыдалась. А я лежала, боясь шелохнуться. Ну и слезливая мне подруга досталась. Стоило ей успокоиться, спросила:

— И часто ты рыдаешь? И прыгаешь, визжишь, кричишь и хлопаешь в ладоши? И насколько это принято в вашем мире? Применительно к женщинам?

Невель потеряла опухшие от слез глазки и, улыбнувшись, ответила:

— Когда испытываю сильные эмоции. В общем, довольно часто. Я же — женщина, как еще мне выплеснуть эмоции и чувства? Мужчинам легче, они пошли, кому-нибудь морду набили или сломали что-нибудь и выпустили пар. Женщины же не могут... вести себя как мужики... — Она замолчала на секунду и спохватилась. — А у вас как?

Я усмехнулась.

— А у нас все наоборот. — И честно призналась, шепнув, словно кто-то мог

услышать. — Хотя я тайком иногда и плачу, и прыгаю, и визжу, и в ладоши хлопаю. Просто чтобы никто не видел, а то и так слабачкой считают.

— Тебя? — поразилась Невель. — Слабачкой? Да ты ж одной левой... троих волколаков.

Млея от чужого восхищения, я подложила руку под голову и с благостной улыбкой тоже посмотрела на звезды. Пусть пока не знакомые, но уже благоволящие. Ведь этот мир так радушно принял меня — подарил подругу.

Дернув меня за рукав, Невель предложила:

— Я решила отправиться в Делавель. Пойдешь со мной?

— А что там интересного?

— Военная школа! — с восторгом выдохнула лисичка.

Мой же энтузиазм поутих. Зачем мне военная школа, если я академию почти окончила.

— Ну и что в ней особенного? И почему именно туда? — спросила я.

Невель, видимо, не выдержав всплеска эмоций, села. В призрачном свете звезд ее глаза сверкали, а кожа стала еще бледнее.

— Ни в одну магическую академию меня не возьмут — дар слабоват. А в школу могут. Главное — отбор пройти. Там готовят элитные отряды для борьбы с темными колдунами и нечистью, которую те на нас насылают. Ты, естественно, не знаешь, но Раш сейчас как бы поделен на две части: меньшая — Темная и большая — Светлая. Но колдуны рвут жилы, пытаются расширить свои территории. Так что Объединенная Коалиция рас организовала школу для помощи государствам, что граничат с Темными территориями. Готовят спецов в разных военных областях. Туда всех желающих набирают, потому что не хватает кадров. Там даже целительский факультет имеется. Я немножко владею магией жизни: если на боевой не пройду, так в целители подамся.

— А зачем тебе вообще школа?

Невель в первый момент неожиданно смутилась, даже света от костра хватило, чтобы увидеть, как девушка покраснела.

— Во-первых, хорошая работа. А мне деньги сейчас нужны. Во-вторых, хочу стать сильной, и в-третьих, все равно других идей, куда податься, у меня нет. Ну и там можно встретить сильного самца-оборотня, знаешь ли.

Криво ухмыльнувшись, я вычленила главную неувязку.

— Ты сказала, что ваши мужчины выбирают по себе. А ты не слишком... сильная.

Невель не менее криво ухмыльнулась весьма хитрой улыбочкой и призналась:

— Да, сказала, но попасть в Военную школу женщины не слишком стремятся. Так что у меня большой конкуренции быть не должно. — Мгновение задумчивого молчания, потом хитрюга-лиса добавила уже менее уверенно: — Я надеюсь.

Разглядывая Невель Рыжуху, я неожиданно заразилась ее идеей. Где, как не в военном заведении, я смогу показать себя с лучшей стороны?! И найти самого лучшего мужчину для себя? Смысл мне шататься по миру в поисках подходящей кандидатуры на роль мужа и отца моих детей, когда в этой школе я смогу познакомиться с каждым кандидатом на эту должность, придирчиво рассмотреть все его достоинства и недостатки, а уж потом принимать важное, влияющее на всю мою жизнь решение.

Эти мысли буквально взорвали мой мозг восторгом и предвкушением. Не сдержавшись, я захлопала в ладоши и запищала. А поймав удивленно-заинтересованный взгляд Невель, взяла себя в руки и заявила:

— Я пойду с тобой! А то ты без меня еще нарвешься на неприятности.

Теперь Невель завизжала и кинулась обниматься. И как-то это так привычно было, что я уже спокойно выдержала обнимашки. Спать мы легли умиротворенные и с довольными улыбками на лицах.

На Раше всего один огромный континент, омываемый морями и океаном. На западе, в океане, расположено множество крупных островов — архипелаг с милым названием Цветочный. Это бывшая родина фей — нынешний оплот Темных колдунов. Там они впервые появились, быстро отвоевали всю территорию у слабых крылатых и потом перекинулись на материк. Словно зараза, черным пятном расширяя свои владения все дальше и дальше.

Вторыми пострадали люди, потеряв два государства. Спустя сотню лет темные добрались до степей, и орки встали под знамена, защищая родовые земли, где веками кочевали, растили детей и хоронили своих предков. Шаманы били в барабаны, призывая на помощь духов, сильные, закаленные в походах воины-орки бились насмерть и нашествие колдунов снова смогли притормозить. Именно тогда народы, населяющие Раш, задумались об объединении. Но старая вражда — клановые и международные войны — надолго затянула этот процесс.

Затем наступил черед эльфов воевать с Темными. Когда-то они, как и феи, ценили гармонию и мирно жили на лоне природы, но с тех пор утекло много воды и жизней вечно молодых. Сейчас эльфы — малочисленная, но весьма опасная и сильная раса. За тысячелетия они смогли преодолеть клановые распри и стали едины в своем стремлении выжить и сохранить самое себя.

На данный момент почти вся западная часть континента — это Темные территории, подвластные колдунам. Их немногие видели вживую, но часто сталкивались с их порождениями — нечистью. Жуткие иномирцы похожи на большую часть рас Раша, а именно — человекообразных. Но их отличает главное — они питаются жизненной силой, а взамен источают эманации смерти. Недаром их земли называли Темными. Там все исковеркано, изуродовано и извращено. Как животные, так и растения. Все подчинено смерти и ее прислужникам — колдунам.

Вдоль границы Светлых и Темных территорий расположены заставы, а между ними зачарованная полоса земли, через которую не может пройти нечисть низшего порядка. Но межа полностью не спасает от высших и самих колдунов. Когда Темная грань достигла королевства демонов и очередного людского государства Верея, наконец-то произошло объединение. В столице Вереи, Делавеле, создали Военную школу, курсанты которой после выпуска служат на границе. И по праву считаются лучшими спецами. А преподают в школе непревзойденные воины Раша: демоны, эльфы, маги из людей, оборотни, вампиры и даже представители самой закрытой сильной расы — драконы.

После объединения никто из жителей Светлых земель Раша не остался в стороне. Каждое государство обязано поставлять к Темной грани провиант, оружие, отправлять на службу воинов и магов. Драконы следят за тем, чтобы все исправно платили десятину Коалиции. И никто еще не решился нарушить договор или обмануть. Каждый знает последствия этого шага: либо огонь палачей, либо, что более вероятно, отряд смертников на границе.

Все это рассказала мне Невель в следующие три дня нашего путешествия. Было грустно сознавать, что в этом мире с нечистой дела обстоят ничуть не лучше, чем в моем бывшем. Хотя, как отметила лисичка, сейчас грань медленно, но верно отодвигается назад. Сама природа помогает Светлым силам бороться за свою землю.

До Делавеля нам идти было долго, да мы и не спешили. Я летела, если была возможность, а Рыжуха во второй ипостаси бежала рядом неторопливой рысцой.

Совместные ночевки еще больше сплотили нас. Организовывая стоянку, мы распределяли обязанности, незаметно дополняя друг друга, помогая и не испытывая при этом неловкости. Словно мы сто лет друг друга знали и часто бывали вместе в походах.

— Дымом и потом пахнет... людьми! — рыкнула лиса, поведив по сторонам темным носом.

Я тоже почувствовала, поэтому мы обе замерли.

— Ну что, к людям выходить будем? — поинтересовалась Невель.

— Было бы любопытно взглянуть, как они живут и выглядят... — осторожно ответила я, пожав плечами.

Лиса окинула меня взглядом и качнула рыжей пушистой мордочкой.

— С крыльями — лучше не надо. Достаточно твоего полуголого вида, — весело, но твердо заметила она.

Я невольно улыбнулась: еще не привыкла к тому, что лиса разговаривает и к тому же может строить забавные гримаски.

Мы вышли к тропинке, означавшей, что близко жилье. Невель, виновато взглянув на меня своими синими яркими глазами, предупредила с досадой:

— Не рассчитывай на хороший прием. Это — хутор староверов, которые поклоняются единому богу и оборотней не привечают. А эльфов вообще не переносят.

— Я не эльфа! — вскинулась я.

Неважно, что на Раше эта трусливая раса, оказывается, изменилась, как и феи на Атураше. Я-то знаю их как высоких худощавых трусишек, готовых сбежать при любом подозрении даже на честную драку. А вот за спиной строить козни, воровать скот и урожай — горазды.

— Да мне без разницы! — усмехнулась Невель. — И староверам тоже нет дела, есть у тебя крылья или нет. Ты слишком похожа на ушастых.

— На кого? — удивилась я.

— Ушастых! Так эльфов зовут. У тебя же ушки торчат... — заметив мой злой взгляд, Невель тут же заискивающе прощбетала: — Но зато они очень милые. Гораздо симпатичнее, чем у эльфов.

Поджав губы, я окинула ее ироничным взглядом, но решила не ссориться из-за таких мелочей. А то я ни разу про свои «милые» ушки не слышала. Какие есть, с такими и живу, в конце-то концов.

За разговорами мы вышли из леса к краю большого поля, по которому за волом, тащившим борону, шел мужчина, одетый лишь в широкие простецкие штаны, подпоясанные веревкой. Я в шоке разглядывала его: мощный, здоровый, спина — сплошные мускулы, которые перекатывались, стоило ему шевельнуться.

— Ты чего? — спросила Невель, меня ипостась. — Никогда человека не видела? Или волов впервые видишь?

— Подобные рогатые коровы и у нас есть. И пашем мы так же, только... — я попыталась

сформулировать свою мысль, но сказала как есть: — Да он на бабу похож. У меня в отряде все поголовно такие...

Невель приглушенно засмеялась:

— Знаешь, наверное, я тебя сейчас расстрою, но на Раше мужчины большей частью выглядят так. А у вас какие?

С досадой посмотрела на подругу. Я больше не сетовала, как в первый день, что мы с этой физически слабой женщиной-оборотнем выглядим похоже: почти одного роста, и фигуры у обеих оставляют желать лучшего. Ну, сие на мой взгляд, а Рыжуха сказала, что у нее средний рост для женщин Раша. Тонкокостная, с узкой талией и широкими бедрами. И зад у нее выпирает еще более неприлично, чем у меня, хотя ее это не смущает. Более того, Невель уверенно заявила, что упругая округлая попка — скорее достоинство в глазах мужчин, нежели недостаток. Только грудь у меня больше, чем у нее, да тело более подтянутое, мускулистое — годы тренировок сказываются.

— У нас принято, чтобы мужчина был хозяйственным, ласковым, стройненьким и... модным. Красивая мордашка добавляет ему шансов охотулять состоятельную женщину.

Невель округлила глаза, слушая меня, и озорно хихикнула:

— Жуть! Я бы на такого даже не посмотрела! — И заявила уже с пафосом: — Любая оборотница выбирает сильного самца — это закон природы. Сильные выживают, слабые отсеиваются сами собой.

— Мы сильные! Просто у нас отбор среди женщин идет, а не среди мужчин.

— Женщина — хранительница семейного очага! Она может быть физически слабее мужчины. Ее сила в мягкости и доброте и...

Я открыла рот, чтобы поспорить, сказать, что это скорее к мужчинам относится, но тут человек-громила дошел до нас и недовольно гаркнул что-то на незнакомом языке. Я молча уставилась на него. А Невель заговорила просительным тоном — сама любезность. Однако на мужчину это не подействовало. Через мгновение я увидела, как в нашу сторону идут два крепких парня, в чем сомнений нет — вроде бы волосы на лицах у женщин не растут. Невель тоже заметила подкрепление и, бросив пару слов, потащила меня прочь вдоль кромки поля. Я послушно шла, спиной чувствуя подозрительные взгляды.

— На каком языке вы говорили? И почему вы не общались на моем? — с досадой спросила я.

— Мы с ним на человеческом говорили. И в каком смысле «на твоём»? — удивилась лисичка.

Ее искреннее непонимание меня насторожило:

— На языке феидов. Мы же сейчас на нем говорим...

Рыжуха внимательно посмотрела на меня, словно пытаюсь понять: шучу или нет. И, осторожно подбирая слова, просветила:

— Ты с самого начала говорила на эльфийском. А так уж повелось, что все долгоживущие учат его вторым основным после собственного языка.

Я скрипнула зубами от злости. Ведь феидов учат тому, что на Атураше общий язык для всех рас. А он, оказывается, эльфийский... Сплошное расстройство: и мужики похожи на баб, и язык не тот! Как жить в этом мире?

Лес закончился, и теперь мы двигались по утоптанной тысячами ног и телег дороге, сотни лет, наверное, встречавшей и провожавшей путников. Раскрыв крылья, я ловила солнечный свет, заряжаясь его энергией. Для феидов светило — мощнейший источник магии. Хотя в учебниках по истории написано, что раньше мы владели разными видами магии. Вот и я — аномалия с цветными крыльями. Золотисто-желтый притягивает и накапливает свет. А зеленым пятнышкам и кромке требуется цветочная пыльца, зато благодаря этому у меня более сильная связь с насекомыми и растениями, чем у сородичей.

Раньше все феиды, мирно проживавшие на лоне природы, были защитниками братьев наших меньших, сейчас же мы следуем не только древним традициям, но и непреложным законам своей расы: защити себя! защити род! защити свой народ! И главное — защити природу-мать и детей ее!

Невель в зверином облике бежала рядом, иногда касаясь моих ног рыжим пушистым хвостом с коричневым кончиком. Щекотно!

— Знаешь, нам, оборотням, другие расы завидуют за умение ступать неслышно. Так, что травинка не шелохнется. И почти не оставляя следов. Нас этому с детства учат как основе выживания. Но ты... ты идешь, словно летишь! Как у тебя это выходит?

Я посмотрела вниз на приподнятую любопытную лисью мордочку, флегматично пожала плечами и пояснила:

— Не хочу навредить насекомым, потому использую чуточку магии. Воздушную подушку создаю под ступнями. Днем на это почти не требуется энергии, а по ночам я стараюсь ходить осторожнее.

— Кошмар! Если бы я постоянно думала о том, чтобы не наступить на какого-нибудь жука или червяка, с ума бы сошла.

— Я же по большей части летаю, а не пешком хожу... Не хочу, чтобы в страшных снах мне являлись убиенные насекомые, чтобы упрекать в своей смерти.

— Подожди, ты рассказывала, что во время стажировки на границе с Темными убивала там всякую нежить. А разве ее прихода в кошмарах не боишься? — изумленно спросила Невель.

— Нежить — это нежить! А насекомые и другие животные — это братья наши меньшие. Мне и рыбу жалко, но без нее не смогу нормально питаться. Хотя убеждаю себя, что рыба ест насекомых, а я нет. В результате происходит этакий пищевой круговорот в природе. Нашей религией допускается убивать ради еды! Но не всех!

— Забавные вы — феиды! Послушать тебя, выглядите и живете как воины, а боитесь наступить на червяка...

— А вы? Лучше? Мужики, которые выглядят как бабы... и бабы слабые и никчемные, как мужики...

— Знаешь, Лютик, а ведь тебе придется из этих мужиков выбирать себе пару! — весело хихикнула Невель и серьезно продолжила: — Так что придется тебе менять свои взгляды, иначе не приживешься в нашем мире. Если будешь слишком отличаться от остальных, могут возникнуть проблемы.

— Какие? — насторожилась я.

— Например, останешься одиночкой! — припечатала лисичка, при этом дернув хвостом для убедительности.

Мне ли не понимать обоснованность ее предупреждения? Но разве можно вот так сразу изменить свой менталитет? Отринуть прописные истины, с которыми родился и вырос?

Осталась надежда, что, может, это будет не так сложно, раз ни один мужчинка на Атураше мне пока не приглянулся. Не вызвал томления или желания, о которых так много трепались мои сокурсницы или сослуживицы.

— Посмотрим, — уныло ответила я.

Сомнения и тревога закрались в сердце. Невель смерила меня все понимающим взглядом синих глаз, и дальше мы какое-то время молчали, давая друг другу подумать о своем. Но не долго!

— Еще бы одежду тебе сменить... — с намеком посмотрев на мои обнаженные ноги, осторожно буркнула лиса.

— Думаешь, на них начнут дополнительно обращать внимание? — с невероятным сомнением спросила я.

— Я не думаю, я знаю! Поверь, тебе не понравится такое внимание мужчин. А ввязываться в постоянные драки из-за очередного недвусмысленного предложения или еще чего похуже как-то не сильно хочется!

Продолжая лететь, я еще раз окинула себя оценивающим взглядом. Форма как форма... Что в ней привлекательного для мужчин? Но все же решила послушаться совета оборотницы, которая, без сомнения, лучше меня разбиралась в местной одежде. Приподняла подол нижней рубахи и расстегнула манжеты на шортах, превращая их в бриджи.

— Так лучше? — мрачно спросила у лисички.

— Ого! Любопытная одежда... — с веселым удивлением отметила та.

— Это же военная форма, Невель. Она защитит от удара кинжала, уменьшит вред от меча. И мы частенько ночуем в лесу и спим на земле. С голыми ногами не комфортно. Поэтому все продумано.

— Еще бы сверху грудь в корсете прикрыть... — лукаво улыбнулась Рыжуха.

— Ну, знаешь! Тебе не угодишь! — фыркнула я.

К очередному поселению мы вышли под вечер, когда сумерки ложились на землю, укрывая ее на ночь. Нас встретил залиvistый лай собак и дым из печных труб. Если бы не деревянные срубы, посчитала бы, что к оркам в стан попала. Но Рыжуха предупредила: мы на территории одного из людских королевств. И представителей других рас здесь проживает мало. Но хоть не воюют между собой, и то удача!

Пока шли к таверне, встретили пару человек, которые проводили нас любопытно-настороженными взглядами. И что в нас такого? Крылья я по настоянию подруги тоже спрятала, а она сменила ипостась и шла совсем близко, касаясь своим локтем моего.

— Пахнет странно... — тихо заметила Невель.

— Чем? — не поняла я.

— Не знаю, но мне не нравится, — неуверенно ответила лисичка.

Я повела носом и кроме привычных запахов жилья ничего странного не почувствовала. Теплый весенний ветер трепал мои золотистые волосы и рыжие прядки, выбившиеся из косы Невель. Но Рыжуха еще ни разу ничего не говорила попусту, и я решила внимательнее отнестись к ее предчувствию. Ведь не зря Регана Шмель учила: «Нутро всегда лучше чует, где нежить порылась, и предупреждает. И только глупец или будущий труп не слушает своих инстинктов». Я не хотела становиться трупом, да и глупой себя не считала.

— Что предлагаешь? Ночевать в лесу? — спросила я.

Невель задумчиво водила носом, и словно вторя ее сомнениям, завыли собаки.

— Нет, это плохая идея. Лучше под защитой стен в таверне ночь провести, чем в

одинокую в лесу ждать неизвестно чего. Это большое село, и мы будем среди народа. Сама ведь видела — погосты здесь вокруг. Далеко не уйдем...

— Что такое погосты?

— Холмики, мимо которых мы проходили, — это могилы. Люди своих умерших в землю закапывают, а не сжигают, как мы или другие жители Раша.

— Да? Странная традиция. Они же на время привязывают душу и не дают ей уйти с миром, — удивилась я.

Девушка пожалала плечиками, и в этот момент мы подошли к большому двухэтажному дому — таверне. В расположенной рядом конюшне ржали лошади, пахло навозом, конским потом и отхожим местом неподалеку. У торца здания стояли груженные телеги, накрытые тентами из холстины. Возле них суетились двое парнишек. Лежащий у крыльца пес пристально за нами понаблюдал, обнюхал и потерял к нам интерес. Да только не расслабился, а дернул ушами, прислушиваясь.

Накануне Невель просветила меня, как здесь принято что-либо оплачивать. Оказывается, на Раше расплачивались золотыми, серебряными и медными кругляшами, называемыми монетами. Каждое государство чеканило свои. А вот у нас на Атураше в ходу был золотой песок, который шел на вес при расчетах. Мне с собой мама с папой тоже песка пару фунтов дали — нищей отпускать не захотели. Хотя его количество я Невель озвучивать не стала, на всякий случай. Только немного отсыпала в маленький мешочек.

Пройдя внутрь таверны, я застыла от удивления. За столами сидели в основном мужчины. И мужчинками их уж точно не назовешь! По сравнению с нашими — крупные, коренастые или высокие, толстые или худые, бородатые или нет, но... все похожие на баб. Даже субтильные мужички, хлебающие в уголке из больших деревянных кружек, смотрели на меня масляными раздевающими взглядами, как наши пограничницы на гламурных щеголей. И выглядели настолько уверенными в себе, что того и гляди завладеют и подчинят. Фух!

В этот момент я мысленно поблагодарила Невель за добрый совет прикрыть ноги. Под этими взглядами я неожиданно почувствовала себя голой и незащищенной. Руки невольно потянулись к мечам, но, мотнув головой, я сжала кулаки. А в голове роились панические мысли: «Это неправильно! Так не должно быть! И мужчины неправильные, и мир неправильный! Разве женщина может бояться мужчин, как я сейчас? Мы же априори сильнее?!» Но окружающая обстановка просто кричала о том, что я здесь словно мотылек среди пауков. Порхаю, пока ближайшей паутины не коснусь, и потому надо быть предельно осторожной. А ведь, судя по некоторым пропитым мордам, это и не воины вовсе. Даже трусливая мыслишка засвербела: «Может, домой пора? Нагулялась и хватит? И ничего... Посижу возле портала и покараулю кого-нибудь, желающего сменить судьбу...»

Подхватив под руку, Рыжуха потащила меня к стойке. Достала четыре медные монеты, положила их на столешницу, неожиданно тяжелым взглядом посмотрела на хозяина сего заведения и что-то ему сказала суровым тоном. Чем вернула мне самообладание. Я тоже добавила своему взгляду твердости и мрачного предупреждения любому, кто посмеет нам угрожать.

Именно меня хозяин окинул внимательным взглядом, оценил мечи за спиной, затем молча кивнул. Мы устроились за дальним столом, спиной к стене и лицом к окружающим. Я достала свой бытовой нож и воткнула в стол, отчего лица некоторых гостей разочарованно вытянулись. Остальные, поняв намек, просто отвернулись.

Мы успели плотно поужинать, когда начался кошмар, который позволил проверить все,

чему меня научили в Академии.

В таверну влетели те самые парнишки, что крутились возле телег, и нервно, суетливо, но при этом стараясь не показывать волнения, подскочили к хозяину за стойкой. Они зашептались, и от услышанных новостей его лицо потемнело. Мужик не просто чем-то сильно озаботился, а испугался.

Мы с Невель переглянулись. Для других посетителей реакция хозяина таверны на какую-то новость, принесенную скорее всего его сыновьями, незамеченной не осталась — каждый напрягся. И в этот момент меня как будто в грудь ударили — сильно, оглушающе...

Я истинная Светлая — свет, жизнь, дитя природы. С Тьмой мне не по пути. А тут невероятно сильная «черная» волна прошла сквозь меня, уносясь все дальше и расширяясь. Я невольно встала и, опершись о стол ладонями, судорожно глотала воздух, пытаюсь отдышаться, очиститься от этой мерзости.

— Что с тобой, Лютик? — испугалась Невель.

Она всем телом подалась ко мне, робко касаясь ладонью моей руки, и невольно помогла — от всей души поделилась своим животворным теплом.

А из деревянных стен таверны послышался шепот точильщиков: «Смерть, идет! Смерть!..»

Мужчины с недоумением смотрели на меня. Снаружи отчаянно завывли собаки. Непосредственно за дверью таверны раздался испуганно-предупреждающий вой пса, что встречал нас недавно. Все разом загалдели, а я потянулась к своей котомке за накопителем. Зря я послушалась Невель, опасавшейся, что красивое золотое украшение привлечет к нам ненужное внимание, и сняла его с головы. Сейчас обруч — моя защита, а янтарит поделится запасом энергии... если окажусь опустошенной.

Я не поняла ни слова из общего гомона, зато Невель сильным от волнения голосом начала переводить:

— На улице разом тьмой все накрыло. Ни зги не видно. Вот они и прибежали отцу рассказать. И животные словно с ума посходили. Лошади конюшню в щепу разносят...

— Где-то неподалеку орудует приспешник Темных! И довольно сильный, раз такую волну запустить смог, — припечатала я. Затем мрачно добавила, невольно копируя тон и манеру сестры: — У нас есть несколько минут, чтобы свалить отсюда по-быстрому!

Не успела я продолжить, как к нам подскочил один из мужиков и что-то яростно зарычал, обращаясь к Невель.

— Чего он орет? Нет, точно — бабы! Наши тоже всегда голосом свое мнение протолкнуть пытаются... — флегматично прокомментировала я.

Подруга нервно хохотнула, услышав мое замечание, и торопливо перевела:

— Все заметили, что с тобой что-то не так. И хотят знать, что происходит. — Она сглотнула и добавила: — Этот мужчина обвиняет нас в странностях.

— Человек настолько глуп... — изумилась я. — ...чтобы даже предположить, что феида может быть на стороне Тьмы?

— Лютик, тут деревня, здесь живут простые люди. Мы пришли, а за нами наступила темень. И тебя неожиданно корежит... Боги, как нам уйти сейчас? Нас не отпустят... — уже чуть не плача, прошипела Невель.

Вокруг нас уже организовалась небольшая толпа обозленных селян. А зловещий мрак за стенами таверны все тяжелел и угрожающе давил на мое сознание. Удивительно — другие этого, похоже, не ощущают! Даже Невель! Ладно, люди, оборотница сказала, что среди них

наделенных магией не много, большинство пустые. Но она сама?!

Мужчины все теснее смыкались вокруг нас. Подруга неосознанно, словно загнанный зверек, оскалилась на них, но продолжала попытки что-то объяснить. Достучаться! Нет, так не пойдет! Я выпрямилась, магией уменьшила свою котомку и закрепила на поясе. Поведя плечами, выпустила крылья и частично перешла в боевое состояние, чтобы привлечь внимание.

Я точно знала, как сейчас выгляжу: кожа светится мягким солнечным светом, крылья переливаются, словно сделанные из настоящего золота, а зеленые разводы и кромка на них яркие, как трава после дождя, так и манит дотронуться, окунуться в весеннюю свежесть.

Окружающие замерли, а я как можно спокойнее приказала Невель:

— Скажи им! — отметив ее неуверенную улыбку и согласный кивок, продолжила: — Я — феида, я — свет, я — лютый враг Тьмы и никогда не буду на ее стороне. Рядом орудует черный маг, он сеет зло. Я ощутила откат от кровавого ритуала, поэтому мне стало плохо. Мы не сможем его остановить, и я не знаю, чего он добивается. Нам всем надо подготовиться к тому, что он вызвал или сотворил...

Невель дрожащим голосом переводила, а в зале постепенно воцарялась тишина. Люди потрясенно смотрели на меня. Но длилось затишье недолго, пока мы не услышали далекий жуткий вой и единичные крики людей.

Я тяжело вздохнула: и в этом мире меня не отпускает из своих объятий война. Боги, как же я ее ненавижу, кто бы знал! Затем, со знакомым, но вовсе не радостным звуком вытащила один из своих верных заговоренных мечей, чем запустила цепную реакцию у остальных гостей таверны. Все дружно рванули на выход, и мы с Невель в том числе. Подруга подхватила свою котомку, а потом, недолго думая, еще и два столовых ножа, которые подали нам с ужином.

Переглянувшись, мы понятливо ухмыльнулись. Уж кому как не ей, потерявшей отца и деда в битве с волколаками, знать, что запасной нож лишним в бою никогда не будет.

На улице стало слишкомлюдно, и все, замерев, смотрели в сторону пригорка с восточной околицы села. А ведь мы с Невель всего-то чуть левее прошли совсем недавно. А сейчас оттуда ползла, прыгала, ковыляла, медленно раскачиваясь, в общем, перла нежить. Мои крылья больше никого не впечатляли, про нас сразу забыли, когда появилась более реальная и к тому же видимая угроза. Кромешная тьма рассеялась, луна и звезды, уже вступившие в свои права, давали неплохое освещение. И тем чудовищнее выглядела надвигающаяся масса восставших покойников.

— Зомбя-я-я! — заорали слева от нас.

Мы с Рыжухой обернулись и с ужасом увидели, что и с запада на деревню надвигается протухшее, полусгнившее, темное воинство.

— Мужики! Мужики! С другой стороны тоже прут со старого погоста, — услышали мы вопли людей, бежавших между домами.

Я дернула за руку заскулившую подле меня от страха Невель, чтобы не забывала переводить. И пока слушала ее, видела, как она шарит взглядом по округе, выискивая возможность сбежать. Положив руку ей на плечо, мрачно выдохнула:

— Поздно бежать! Сильный маг и волна мощная, видишь, как далеко прошла...

— Что же делать-то? — отчаянно выпалила она.

— Драться! — глухо сообщила я ей очевидное.

И тут, наконец, увидела местных женщин. Разных: больших и маленьких. Большинство

— в теле. Одеты в вышитые на груди рубахи и длинные юбки. В таких нарядах не очень-то повоюешь. Но еще больше меня удивило, что высыпавшая на главную улицу женская половина деревни истерично причитала, прижимая к себе детей. Именно это вызвало у меня кратковременную оторопь и дезориентацию.

Воевать в команде с мужчинами мне не приходилось, только защищать и беречь их тонкую душевную организацию. А сейчас я себя ощутила одиночкой в поле против толпы нежити. В окружении мужчин и слабых женщин, языка которых не понимаю. С кем заградительный кордон организовывать? Кто прикроет в бою? На кого полагаться? Первых я еще не могла считать равными мне бойцами, а вторые однозначно не годились на эту роль. На Атураше каждая — каждая! — женщина готова грудью встать на защиту дома и семьи. А здесь... мужчины!

— Слушай меня! Всех гоните в церкву, хватайте вилы, дрова, тряпки! — заорал хозяин таверны. И первым ринулся к конюшне, за ним побежали сыновья.

— Что такое церква? — деловито уточнила я, выслушав перевод.

Стало легче дышать от того, что нашелся кто-то с лидерскими качествами. Кто-то более сведущий сейчас, чем я.

— Это храмы людских богов.

— Но ведь это добровольная ловушка... — выдохнула я.

Но, окинув взглядом паникующую, плачущую от страха толпу женщин и детей, поняла, что выбора нет. Таковую ораву не увести отсюда без потерь. Больших потерь!

Возле таверны остались только мы вдвоем с Невель, остальные разбежались запасаться оружием и, как приказал хозяин сего заведения, тряпками и дровами. Я догадалась, что он решил соорудить огненную преграду. Так проще уничтожать нежить, если нет заговоренных мечей, как у меня. А у них точно нет.

Появившийся из конюшни хозяин таверны что-то нам проорал. Подруга тут же перевела:

— Требуется, чтобы улетали или к церкви бежали!

Я зло скривилась и процедила:

— Лютерция Пчелка еще никогда не бежала с поля боя! И впредь не собираюсь!

Мужик, видимо, без перевода понял, о чем я толкую. Окинул оценивающим взглядом мои звенящие в предвкушении битвы с нежитью мечи и мрачно произнес пару слов. Перевод последовал мгновенно:

— Я рад!

Тем временем отвратительно смердящая нежить подступила настолько близко, что разглядеть ее можно было в мельчайших подробностях. Хозяин рядом с горечью заговорил, а Невель, прерываясь от страха и отвращения, переводила:

— Проклятье! Семен Сивый... три дня не прошло, как похоронили... Марийку удар хватит, когда его увидит... такого.

Трактирщик мрачно уставился на идущего почти твердой походкой, высокого, синеватого и нарядно одетого восставшего покойника.

Нашего главного организатора обороны дернул за рукав мальчик и отчаянно что-то прошептал. Подруга, как заведенная, уже чуть ли не с повтором точных интонаций переводила:

— Тять, все к церкви бегут... а мы?..

Разглядывать дальше мы не стали, наша небольшая компания рванула за хозяином таверны. У людей в руках были дрова, тряпки, топоры и вилы. Невель тоже нашла вилы,

оторвала от забора доски и сноровисто поволокла по земле. Я же прикрывала отход.

Выстроить полноценный огненный кордон не вышло — дров не хватило. Селяне успели срубить пару деревьев неподалеку и уложить их в костры, пока жители стекались в церковь. Но все не успели, и крики умирающих известили о первых потерях. Дверь храма закрыли наглухо, обороняющиеся мужчины обступили его по кругу и оцетинились вилами. В темное небо взвились языки пламени, кровавыми отсветами превращая лица людей в жуткие маски. Дальше начался ад.

Мою спину прикрывала Невель, которая вызвалась добровольно и с такой мрачной решимостью, что я не смогла отправить ее под иллюзорную защиту стен. Пока нежить вплотную не подошла к людям, я полетела к ней навстречу, сверху кидалась на одиночек или отстающих и превращала в пыль своими мечами. Но вскоре закипел бой, и мне пришлось вернуться, чтобы вместе с людьми плечом к плечу встать на защиту Света.

Заговоренные клинки замелькали, гудя от скорости вращения, покрываясь гнилью мертвых тел, которая истаивала, превращаясь в пыль. И тогда их безупречно гладкая поверхность отражала мои бешеные глаза и блеск золотых крыльев.

Крики, смерть, кровь, вонь — все смешалось. Моя задача — не подпустить нежить к дверям церкви. И неважно, мужчины там прячутся или женщины. Там слабые и незащитные, которые нуждаются во мне.

Сзади заверещала Невель. Обернувшись, я заметила, что она, сменив ипостась на лисью, изворачиваясь всем телом, пытается выдрать свою лапку из засохшей костлявой конечности фактически скелета. Прыжок, удар — и рыжий мех покрывается пылью тлена. А лисица, вновь сменив ипостась, вытирает грязным кулаком слезы, хватая оброненные вилы и вновь начинает сражаться. Шаг, удар, назад... словно заведенная фарфоровая кукла на музыкальной шкатулке. Бездумно, на одних рефлексах и инстинктах защищая себя и мою спину.

А я нашла повод улыбнуться: мы стали хорошей командой. Этой девушке без сомнений можно доверить свой тыл. Подруга! Как много в этом слове хорошего смысла, душевного, нового для меня.

Пришлось включить и собственную магию. Насекомых же на борьбу с нежитью не позовешь, а вот обратиться за помощью к растениям — самое время. Плети корней, вырвавшись из земли, разорвали ходячий труп, пытавшийся сожрать одного из защитников церкви. И так — пока хватает сил. Я не знаю, сколько прошло времени. Молила о наступлении утра и с каждым новым ударом призывала богов и посылала проклятия на голову колдуна.

Резерв почти на нуле. Кожаный корсет в грязных разводах от разлетающейся гнили мертвой плоти, стекающей вниз по полоскам юбки. Руки гудят от напряжения, мечи с каждой минутой все медленнее вращаются и становятся словно мельничьи жернова.

Услышав отчаянные крики с другой стороны церкви, поняла, что дело там совсем худо. Мужики, что рядом бьются, что-то говорят мне, но я не понимаю. Невель смотрит тусклыми смиренными глазами и объясняет:

— С той стороны прорыв, они просят тебя лететь туда на помощь.

— Давай в лису, так ты легче!

Она понимает с полуслова и оборачивается уже в полете.

А там... Там рядом с мужчинами женщины прикрывают собой детей. Они, оказывается, сильные, похожие на моих соплеменниц. И это добавляет уверенности, открывает второе

дыхание. Я выпустила лису из рук, и она, приземлившись уже девушкой, первым делом схватила бесхозные вилы.

Среди трупов людей и разрубленной на части нежити мы вклинились в ряды защитников. Невель кричит, чтобы забили прорыв досками, завалили стульями проходы. Я понимаю ее без перевода, нутром, по наитию.

Скорее бы утро! Где же ты, Свет?

Пыль взлетает вверх, и я невольно провожаю ее взглядом. И именно в этот момент вижу в темном небе, на фоне луны, странные тени. Крылатые тени. И они стремительно приближаются к нам. Я еще не успела подумать о том, новая ли это угроза или подмога, а сверху в ходячих мертвецов ударили струи огня.

Невель, рыдая, насадила очередного дохляка на вилы, с натугой оттолкнула от нас и торжествующе выдохнула:

— Драконы! Кажется, мы выживем.

— Не факт! — пропыхтела я.

Не до любезностей, когда нежить продолжает бездумно переть на малочисленных защитников. В отличие от нас, умереть еще раз она не боится.

Как же хочется жить! А позади пролом в церковь, к которому нужно любой ценой не подпустить мертвяков.

Я решилась на крайние меры. Вложила меч в ножны на спине, чтобы освободить руку. Положила палец на янтарит, теплой капелькой висевший на лбу, и активировала неприкосновенный резерв. Затем, выставив руку с растопыренными пальцами, с мрачным удовлетворением смотрела, как по коже побежали золотые ручейки солнечного света, который я так тщательно накапливала последние дни. Мгновение — и в разные стороны ударили яркие лучи света, пронзая ходячие трупы и превращая их в факелы. Давая передышку уставшим мужчинам, чтобы быстрее завалили дверной проем, заколотили.

Мстительно усмехаясь, я водила рукой из стороны в сторону, уничтожая порождения Тьмы. Вой мертвяков вымораживал внутренности, но я слышала вой и с другой стороны церкви. Там явно происходило что-то более грандиозное. Жаль, но потоки света я контролировать не умею, поэтому выплеснула все, что смогла. Вонь от горящей плоти стояла настолько сильная, что слезились глаза, а факелы из мертвяков добавляли освещения.

Янтарит остыл, мне пришлось вытащить второй меч и чуть отодвинуться от Невель. Чтобы завертеться волчком, кромсая и распыляя группу особо упертых зомби. В какой-то момент на толпу мертвяков напротив легла черная тень и через секунду превратилась в огромного мужика, одетого в кожаную форму, похожую на мою. В его руках тоже запели заговоренные стальные, чуть загнутые мечи. Красиво так запели, эффективно...

Сперва, опешив от неожиданности, я подумала было, что это наши пограничники решились порталом в этот мир на разведку слетать. Ну кто еще может быть такого громадного роста и с такой развитой мускулатурой, от которой дух от зависти захватывает?! Только у этого «пограничника» мужская «зверская» морда — с женской не перепутаешь точно — и телосложение еще внушительнее.

Дальше... дальше, будь я мужчинкой-феидом, сложила бы ручки от умиления и восторженно пищала, потому что воин без видимых усилий за минуту положил мертвяков больше, чем я за час. Да он круче моей мамы — Клевер Пчелки — лучшего и сильнейшего бригадного генерала феидов. Я таких на Атураше не видела никогда!

И этот неведомый боец — не женщина, не пограничница и даже хлеще мамы, да еще и в

форме, подобной моей, — не прекращая кромсать нежить, повернул ко мне лицо и, игриво подмигнув, рявкнул:

— Рот прикрой! А то мертвяк залетит ненароком.

Во-первых, говорил он на моем родном языке. Во-вторых, приказ, прозвучавший в лучших традициях командира Реганы Шмель, вернул в реал и заставил действовать.

Вовремя! Потому что спас от очередного зомби, решившего напасть со спины. Мало того, потрясший меня до основания вид этого представителя мужчин Раша помог на время забыть о невероятной усталости и лихо расправиться с мертвяком, который покусился на мои крылья.

— Сдается, я произвел на тебя приятное впечатление... фея... — насмешливо и в то же время самодовольно заявил дракон.

Ведь именно так обозначила летающие тени Невель. Показалось, что в слово «фея» он вложил еще какое-то значение, и у меня мелькнуло смутное подозрение, что весьма двусмысленное. Здоровяк очень быстро очистил территорию рядом со мной от ходячих, а потом и недобитых тварей. Бросил по сторонам внимательный взгляд, не нашел с кем еще сразиться и вернул свое внимание мне. А я стояла с открытым ртом и переваривала тот факт, что этот громила, по-видимому, как говорят наши мужинки, клеится ко мне. Обалдеть!

Я невольно обернулась, разыскивая взглядом подругу. Как и думала, та была за спиной, на расстоянии вытянутой руки. Вся грязная, пыльная, в мерзких ошметках и с разводами от слез на лице, но сейчас она вновь выглядит уверенной в будущем лисицей-оборотнем и почему-то улыбается с хитринкой.

— Неужели настолько поразил, что ты язык проглотила? — проурчал воин-дракон, двинувшись в мою сторону.

Я окинула его изучающим взглядом: слишком высокий, слишком большой, чересчур мускулистый, прямо бугрящийся накачанными мышцами, брюнет с насмешливыми, светлыми, глубоко посаженными глазами. Волосы коротко подстрижены, а в правую бровь продеты два золотых колечка. Нос с горбинкой, по-моему, великоват для его узкого лица с тонкими губами. Хотя общее впечатление не портит, скорее хищности придает. В общем, если бы этот субъект жил среди феидов — остался бы холостым. Гипертрофированный, вовсе не красавец, а просто симпатичный мужчина. Такой вряд ли какую-нибудь женщину с Раша привлек бы в качестве мужа, даже не пограничницу. Кроме того, он — воин, значит, вести дом не умеет.

И этот... недобаба считает, что может меня заинтересовать?

Я вернула самоуверенному дракону насмешливый взгляд с ярко выраженным скепсисом, снова осмотрела с ног до головы, больше заинтересовавшись его формой. Кожаная безрукавка со шнуровкой на боку, короткая юбка, как у меня, состоящая из полосок внахлест, и шорты тоже есть. Только из плотной ткани. Вон как мышцы на бедрах играют...

Наконец посмотрела ему в глаза, для чего пришлось задрать голову, и процедила сквозь зубы:

— Ошибаешься! Мне размерчик не подходит!

Теперь пришла очередь дракона, разинув рот, пялиться на меня. А за спиной захохотала Невель. Уж она-то точно знала, почему я так ответила.

Мужчина приблизился вплотную, нависая и неожиданно давя на психику всей своей смертельно опасной массой. Я дрогнула внутри, но стояла каменным изваянием, уставившись на него, осознав, что дракон успел заметить мелькнувший в моем взгляде страх.

Перехватив мечи одной рукой, второй медленно, очень медленно провел костяшкой пальца от мочки моего уха, вдоль шеи, по обнаженному плечу спустился к локтю и обхватил запястье, словно измеряя его ширину. По коже побежали мурашки, и я, изрядно оторопев от неожиданности, не смогла определиться, было мне приятно или нет. Просто впервые мужчина оказывает мне такое откровенное внимание. Оценить ощущения мешали его рост и телосложение — мое сознание вступило в конфликт с телом. Разумом я воспринимала необычного ухажера в совершенно неромантическом антураже, надо заметить, и как себя вести в подобной ситуации, не представляла. А вот тело правильно реагировало на физически сильного представителя противоположного пола.

Дракон тем временем отпустил мое запястье, насмешливо стряхнул с пальцев ошметки грязи и гнили, собранные с меня, и произнес вкрадчиво:

— Меня зовут Сеффрат! И поверь, я везде большой, могу предоставить возможность убедиться в этом.

Его голос вывел меня из странного транса. Я недоуменно окинула его взглядом, пожалала плечами и, не найдя изменений, флегматично ответила:

— Зачем? Я и так вижу, что ты большой. Что нового ты мне еще показать можешь?

Хихиканье Невель за моей спиной захлебнулось удивленным «хрюком». Словно она подавилась. Зато дракон неожиданно напрягся всем телом, серые глаза вспыхнули жутковатым голодным блеском, и он снова медленно окинул меня изучающим, задумчивым взглядом, выдав:

— Занятно...

— Это не то, о чем вы подумали, уважаемый Сеффрат! Ей от мертвяка дубиной по темечку досталось, сами видите... — быстро заговорила Невель, хватая меня за руку и утаскивая прочь от дракона.

— Ты что врешь-то? Кто меня дубиной огрел? — прошипела я, когда мы отошли на «безопасное» расстояние.

Рыжуха посмотрела на меня с сомнением и тихонько поинтересовалась:

— Ты хоть раз была с мужчиной... э-э-э... в интимных отношениях?

Такой вопрос мне задали впервые. Все, кто меня знал, были в курсе, что я никому не интересная мужиковатая аномалия. Кто ж на такую позарится? Поэтому вопрос застал врасплох и заставил смутиться. Надеюсь, сквозь грязь и в тусклом свете костров подруга не заметила мои вспыхнувшие щеки.

— Ну, нет. И что такого? — вызывающе рявкнула я, желая защититься от возможных насмешек, которые наверняка сейчас последуют.

Еще бы, любвеобильные феиды еще в юности теряли невинность и до супружества часто меняли партнеров в поисках своей второй половинки.

Однако Невель, вопреки моим опасениям, суетливо обернулась, проверяя, не подслушивает ли кто, и зашептала:

— Ты себя сейчас фактически выдала этому похотливому дракону!

— Ну и что? — не поняла я, но интуитивно почуяла — не к добру это.

— Боги, я иногда забываю, что ты попаданка! Да то! Драконы, как говорят, охочи до девственниц. А здесь, я думаю, целое звено холостых, похотливых самцов.

У меня уже в который раз за последнее время открылся рот от изумления. Мало того, что меня не высмеяли, так еще, оказывается, моя невинность — дополнительное достоинство... Я обернулась. Дракон, расставив мощные ноги, сверлил нас пристальным

взглядом. Рядом с ним приземлился еще один. Непостижимо: секунду назад над головой Сеффрата висела огромная темная крылатая тень со светящимися глазами, а в следующую — еще один громадный мужик словно с неба спрыгнул. Поглядывая на нас, они зашептались. Еще бы подслушать о чем.

— Кому интересна неопытная женщина? — засомневалась я.

— Тому, кто большой собственник с рождения! И не хочет делиться своим, а еще очень любит открывать что-то новое... не исследованное другими...

— Первооткрыватели, значит? — с сарказмом буркнула я. — Собиратели сокровищ?

— Ну, есть у них такой пунктик... или слабость, — хихикнула Невель. И мрачно добавила: — Теперь драконы не сокровища собирают, а черепа убитых ими колдунов. Новое увлечение. Целые коллекции, можно сказать...

Услышав последнее замечание, я невольно испытала огромное уважение к этим мужчинам. Даже мыслишка скользнула: «Ну и что? Подумаешь, гипертрофированные и крупные? В конце концов, у каждого свои недостатки. Зато сильные достойные воины...»

— А ты была с мужчиной? — хитро поинтересовалась я у подруги.

Она загадочно улыбнулась и ответила завуалированно:

— Знаешь, когда вокруг драконы, о своей личной жизни я лучше промолчу.

Тоже мне таинственная... Да я уверена, что мы с ней в одной команде неудачниц. Хотя... по ее виду я не заметила расстройств этим обстоятельством. Скорее, Невель принимала такое положение дел как нормальное состояние. Решив не лезть к оборотню в душу, спросила о другом:

— Когда Сеффрат меня феей назвал, прозвучало это как-то двусмысленно... Не знаю, как пояснить даже... Может, знаешь, почему?

Девушка пожалала плечами, отвечая:

— Раньше, в старину, феи освящали браки. В легендах говорится, что ваш народ частенько появлялся на свадьбах, причем раса молодоженов не имела значения. Главное — чтобы любовь истинная была. Любовь — самое светлое, сильное чувство, и оно манило вас, как мотыльков на свет. И с тех пор пошло поверье: фея на свадьбе — значит семья будет крепкой, любящей и многодетной. Когда феи исчезли, поверье позабылось, изжилося. Но с тех пор красивым, желанным женщинам, в которых невозможно не влюбиться, делают комплимент, называя феями.

— Понятно, — удивилась я.

Это я-то красивая и желанная? Хорошенькая — с этим не поспоришь. Но желанная? Вся в тухлятине, аж самой противно. В голове пока не укладывалось, но неуверенная надежда начала расправлять крылышки. Пусть меня и недобаба захотел, но с чего-то начинать надо. Только вот так же неожиданно я вспомнила два существенных момента, которые в пылу сражения упустила. Манула предупредила, чтобы я опасалась черного дракона. А еще оракул нагадал ей высиживать яйца... И раз уж разговор зашел, и опасения появились, я решила выяснить:

— Невель, а драконы как рождаются?

— В каком смысле?

— Ну, из яиц вылупляются?

— Ты шутишь? — устала она на меня. Я отрицательно мотнула головой. Оборотница продолжила. — Нет, конечно! Они живородящие. С чего ты взяла?

Я помялась, опасаясь говорить про Манулу, и соврала, испытывая стыд и неловкость:

— В наших легендах говорится, что драконы яйца высиживают. Хотя, может, я все перепутала и это не они.

— А-а-а-а, — усмехнулась девушка, потом смущенно шепнула: — Я поняла. Шутка ходит такая. Драконы, встретив свою половинку, носятся с ней как с яйцом, не выпуская из вида ни на секунду. Вот и повелось говорить, что женщина-дракон высиживает яйца, поэтому ее никто не видит и не слышит с момента образования связи.

Ошарашенная полученной информацией, я даже остановилась. Неужели судьба Манулы — дракон? Может, ее предупреждение именно этого касалось? Так чего ж она прямо не сказала? Неужели боялась, что я не соглашусь? Но ведь в тот момент она не знала об обмене. Да и что страшного в том, чтобы стать парой дракона? Хотя-я-я, увидев представителей этого племени, я с Манулой согласна. Дракона в пару я бы выбрала в самом крайнем случае, если б на Раше лишь эльфийские мужчины остались!

Тряхнув головой, отчего грязные и вонючие ошметки разлетелись в стороны, заставив Невель отпрянуть и возмущенно фыркнуть, будто она сама не такая же «чистенькая», спросила:

— Что делать дальше будем?

Мы тоскливо огляделись вокруг. Да-а-а, сплошь поле боя. Мертвых и раненых вытаскивают из-под нежити, а еще шевелящуюся массу останков сгребают в кучи, обкладывают хворостом и дровами и поджигают. Масляный черный дым поднимается в небо то тут, то там. Все устали, и нам с Невель совесть не позволила просто взять и уйти. Пришлось включаться в работу и помогать.

К нам присоединились мальчишки трактирщика и всюду сопровождали, подсвечивая факелами. Теперь пришел черед Невель тратить свою магию, только уже целительскую. А раненых набралось слишком много. С одним из парнишек мы перетаскивали их на чистое безопасное место, а Невель лечила, перевязывала и даже шпопала. Ее котомка оказалась прямо кладовой орка. Видела я один раз это подземное сооружение, под завязку наполненное всякой необходимой всячиной. И, если я не ошибаюсь в своих предположениях, тот рачительный и иногда скуповатый народ вряд ли слишком отличается от атурашских орков.

Занимаясь не менее тяжелой работой, я постоянно ощущала пристальное внимание драконов. И даже искоса с любопытством поглядывала на них, снующих по округе и зачищающих остатки нежити.

Каждый новый дракон, темной тенью падавший с небес, был похож на предыдущего. Все как один — крупные, мощные и появлялись внезапно. Вот его нет, а вот — уже здесь. Что пугало и раздражало, поскольку сама я так не умею. И воинское мастерство Сеффрата наглядно показало — пришлось, скрепя сердце, это признать! — если в военной школе, куда мы направляемся, будут драконы, то лучшим воином мне ни в жизнь не стать. Разве только опять... последней половиной. Удручающий факт!

К нам подошел трактирщик, потрепав мимоходом по вихрам своих парней — совсем как папа меня! — замер возле нас, немного понаблюдал за Невель, которая зашивала рану на ноге одного из жителей деревни, затем немного подлечивала магией, и произнес что-то скупое, но, как мне показалось, доброе.

Невель нашла силы улыбнуться; ее синие глаза запали от усталости, грязное личико вызывало жалость и сочувствие. И мужчина не смог остаться равнодушным, помявшись, что-то добавил. Рыжуха предплечьем вытерла пот со лба, еще больше размазывая грязь, и, вновь

улыбнувшись, только уже с облегчением, перевела мне:

— Они благодарны нам за помощь. Если бы не твой Свет, нежить прорвалась бы внутрь, к детям и женщинам. Еще извиняются за подозрения и обвинения.

Я кивнула и махнула рукой, мол, принято.

— Знаешь, я не ошиблась, здесь целое драконье звено — двадцать одна особь, — делилась подруга сведениями, полученными, пока лечила местных. — Округу сейчас зачищают, проверяют дома, амбары. Мага не поймали — эта сволочь сбежала. Сейчас вокруг церкви останки уберут, надо их сжечь, сама знаешь, а то мало ли... — заметив мой очередной согласный кивок, она продолжила. — Так вот, сейчас уберут, и женщины приготовят поесть. Покормят и нас, и драконов.

Меня снова невольно зацепило обстоятельство, что готовить будут женщины, а не мужчины. Не похоже на Атураш.

— Учитывая, что мы заплатили за еду и ночлег, — не велика благодарность, — не смогла я удержаться от ехидства.

Вот точно мамина кровь! Та все время отпускала язвительные замечания, и я от них частенько страдала, а сама тоже не могу удержаться.

Трактирщик, думаю, понял, о чем я толкую. Он неожиданно расслабился и криво усмехнулся, добродушно, но все же... Видимо, извиняться за что-либо не привык и не любит, а тут мы, пришлые. Да еще и помощь оказали неоценимую. Волей-неволей пришлось прогнуться. Он весело добавил пару фраз, Невель перевела:

— Нам предложили первыми помыться в бане. Сейчас туда воду таскают, а то все защитники сами на зомбей похожи, того и гляди драконы ненароком в факел превратят. Считай — дополнительная благодарность...

Я поскребла грязный затылок и радостно улыбнулась. Вот это дельное предложение! Прогнулись, так прогнулись. Трактирщик протянул мне руку, которую я признательно пожала, и ушел, наказав сыновьям, как здесь закончим, проводить нас к бане.

Помылись мы быстро, зная, что очередь из желающих длинная. Расходиться по домам народ опасался. Все ждали утра — при свете дня нежить большей частью слабая и пугает только внешним видом. Так что справиться с ней можно будет и в одиночку. Вот и решили пока использовать по назначению ближайшую пару бань.

Постирав форму, я высушила ее магией. Точнее, теми жалкими крохами, что еще остались. К сожалению, мои крылья поблекли и, сполоснув, втянула их в спину до лучшего времени дня.

Мы вышли на узкую улицу, вдоль которой с правой стороны тянулись дома с дворами, а с левой — площадь перед церквушкой, и задумались — куда податься. Ходить тут ночью, даже в предрассветных сумерках — глупость. А ночевать пока негде, только под открытым небом. Может, уже в трактир вернуться можно?

— Нам еще поесть обещали? — напомнила я Невель.

— Красавицы, пойдете в наш лагерь. Там вам и еду, и спальное место организуем, — раздался рядом громоподобный рокот.

Мы вздрогнули и обернулись. Снова дракон внезапно появился, снова здоровенный, снова с масляным взглядом, и опять же в форме как у наших пограничниц. Ну что за невезение! Хотя бы одна более-менее симпатичная мужская особь попалась, чтобы глаз порадовать. Так нет же, то пьяные деревенские мужики в трактире, то нежить вонючая, то женоподобные драконы.

Я тяжело, разочарованно вздохнула, окидывая последнего скептическим взглядом. Потом заметила неподалеку Сеффрата с его недавним собеседником. Они тут что — проверяют, на кого мы клюнем? Этот не подойдет, так следующему повезет? Ну... недобабы!

— Спасибо, уважаемый, но нас уже пригласили, — быстро ответила Невель, заметив, что я открыла рот с намерением послать очередного дракона подальше.

К моему огромному облегчению, к нам подбежал сын трактирщика и позвал за собой, не дав совершить очередную глупость.

Ночной сумрак наконец-то сменился предрассветной серостью, небо светлело, и площадь перед церковью хорошо просматривалась. Прямо у ступеней собралась вся деревня — кто-то лежал, кто-то сидел. На кострах в ведрах и котлах варили похлёбку. Кое-кто из мужиков ходил между уставшими односельчанами и разносил наливку и пиво. Напитки шли за милую душу, даже мы с Невель не отказались от наливочки. Нервишки успокоить — самое то. Алкоголь согрел изнутри и помог немного расслабиться. Затем нам выдали по миске с горячей ароматной пищей. Подруга с жадностью набросилась на еду, а я, увидев в супе куски мяса, разочарованно вздохнула. Парнишка, который всю ночь ходил за нами, заметил мою реакцию и спросил у Невель о причине. Узнав, что я «травоядная», мне предложили сыр и хлеб и скоро из ближайших домов принесли небольшую тыкву и несколько румяных яблок. Без лишних разговоров и искренне желая угодить. Настроение сразу приподнялось.

Я заметила, что драконы по двое возвращаются с зачистки округа и собираются с другой стороны площади. Наверное, чтобы не нервировать людей — вон как те напряженно косятся. И не важно, что совсем недавно именно драконы решили исход битвы и вообще спасли многие жизни.

— Почему люди боятся драконов? — спросила я тихо.

— Просто о них почти ничего не известно. Закрытая раса. И самая сильная на Раше. Хоть и малочисленная. Да и сами они непредсказуемые. Сейчас спасители, а потом, если что не так, и смертельным врагом стать могут. Поэтому с ними надо быть очень осторожными как в словах, так и в действиях. Особенно мужчинам! — просветила Невель, не забывая пережевывать.

— Почему именно мужчинам? — удивилась я.

— Лютик, ты со своим менталитетом не поймешь. Но у нас мужчины сильные и зачастую главы в семье. Женщины от природы слабее и привыкли подчиняться. Поэтому женщин драконы в расчет в качестве соперников или, не приведи боги, врагов не берут. И многое им прощают.

— Да? — удивилась я.

Оборотница, вылизывая ложку, пожала плечиками. А я, доедая сыр и второй ломоть ароматного хлеба, перевела оценивающий взгляд на этих странных мужчин. И на миг задумалась: каково это, когда мужчина сильный и главнее тебя? Когда именно он будет решать все проблемы, а не ты? Почему-то в душе шевельнулось одобрение и странное, вопреки логике, согласие с таким положением дел.

Пара драконов сноровисто сооружала костры. Я уже хотела отвернуться, но в этот момент прямо с неба рядом с ними рухнула коровья туша. А через секунду над площадью мелькнула еще одна крылатая тень, и рядом с первой тушей упала овечья.

Деревенские мужики собрались в кучку и недовольно зашептались, но ни один из них не подошел и не выразил протест. Все мрачно и безмолвно наблюдали за продолжавшими падать с неба тушами домашнего скота.

По площади поплыл запах жареного мяса. По-моему, так ничего приятного, а вот Невель неосознанно облизывала ложку и сглатывала, заинтересованно кося глазом в сторону костра, над которым на вертеле крутилась одна из туш. А у местных сердце кровью обливается!

Сеффрат стоял чуть в стороне от остальных и по-прежнему наблюдал за мной с весьма загадочным видом. Пока я на мгновение отвернулась взять яблоко, рядом с этим несносным драконом появился еще один. Не такой громадный, перекачанный и широкий, но более слабым мне не показался. Они как острый меч и молот — каждый смертельно опасен в умелых руках. Один — грубой безыскусной силой, другой — тонкой игрой мастера, опытом, силой, хитростью и выносливостью. К примеру, Регана Шмель тоже не самая крупная, но любого громилу в бараний рог скрутит, а крылья в трубочки скатает. И при этом даже не запыхается.

Мужчина стоял задом ко мне, отсвечивая почти наголо стриженным затылком, демонстрируя широкую, скульптурно вылепленную из сплошных мускулов спину, сильные руки, узкую талию и крепкие длинные ноги. Кожаная форма подчеркивала идеальную фигуру воина. Драконы уважительно кивали ему, а Сеффрат тихо заговорил.

Я заметила, что люди тоже отметили особое отношение остальных драконов к новоприбывшему. От группы недовольных отделился один мужичок и, ссутулившись, направился к крылатым. Мы с Невель замерли, с любопытством ожидая, что сейчас будет.

Человек приблизился к беседующим Сеффрату и, по всей видимости, командиру звена. Незнакомец повернулся лицом к человеку, причем двигался как-то тягуче, так густая патока льется — надвигаясь медленно, но неумолимо. Я невольно засмотрелась.

— Э-э-э, уважаемый, ваши ребята похватали много нашего домашнего скота и...

Договорить мужичку не дали.

— Это наша добыча! Она бегала... где-то там! — прозвучал такой же, как и движение, тягучий глубокий голос. — Хотите предъявить претензии?

Странно, но, услышав этот голос, я почувствовала, как моя кожа покрылась мурашками. И самое загадочное, что вовсе не из-за плохо завуалированной угрозы. Более того, уловив эту самую угрозу, мое нутро странно завибрировало, словно в предвкушении. В ожидании чего-то приятного...

Я тряхнула головой, пытаюсь привести свои мысли и разум в порядок. Точно! Наливку пить на голодный желудок не следовало! А мой взгляд как-то чересчур самостоятельно начал осмотр, так сказать, фасада незнакомца. Да уж, фигура, действительно, загляденье... если бы он был женщиной. Но я в этом мире... и мне надо бы уже привыкать к другим правилам и нормам. А вот его лицо... Ну что сказать? Прямо жаль мужика! По сравнению с тем же Сеффратом — совсем некрасивый. Смуглокожий, с грубовато вылепленными, будто рублеными, чертами. Высокий лоб, брови луками, глубоко посаженные глаза, вероятнее всего, черные, нос прямой; а четко очерченные губы кривятся в ленивой равнодушной улыбке.

Дракон спокойно смотрел на мужика, а тот все сильнее ссутулился и терялся. Наконец, он проблеял извинения за беспокойство, пожелал доблестным освободителям приятного аппетита и суетливо посеменил прочь. Наш знакомый трактирщик стоял в сторонке со своими парнишками и ухмылялся. Разумеется, по роду деятельности он точно знал, чем закончится попытка земляков предъявить счет за живность.

Я откусила сочный сладкий кусочек яблока и чуть не подавилась. Темные провалы глаз командира драконьего звена уставились на меня. Заметила, как затрепетали широкие крылья

его носа и неожиданно поджались губы.

— Кошмар! Кажется, ты привлекла его внимание, — едва слышно выдохнула Невель рядом.

— Да ну! Сдалась я ему! — беспечно отмахнулась я.

И поняла, что слух у драконов гораздо лучше, чем у феидов, потому что незнакомец медленно наклонил голову чуть набок и жутковатые черные глаза блеснули. Я насторожилась, но облегченно выдохнула, когда мужчина медленно отвернулся от нас таким же, как и в прошлый раз, образом и направился к кострам, где жарились туши и устроилось поесть драконье звено. Там его уже поджидал Сеффрат, обгладывая большую кость и тихо переговариваясь с сотрапезниками.

Проследив за Невель, которая чуть слюной не захлебнулась, наблюдая за драконьим завтраком, сделала вывод, что у тех весьма аппетитное занятие. Скоро оборотница того и гляди окосеет, тайком зарясь на чужую жарящуюся добычу.

Один дракон из дружной компании встал, отрезал огромный ломоть мяса, наколот на нож его и... неожиданно направился в нашу сторону. Уверенно, вальяжно, не отрывая взгляда от моей подруги. Девушка заволновалась, но осталась сидеть на месте. Мы обе следили за ним: я — с любопытством, а подруга — с предвкушением.

Симпатичный, коротко стриженный брюнет с зелеными глазами опустил перед Невель на колени. Уперся на пятки, чем еще больше привлек внимание к мускулистым накачанным бедрам, и сногсшибательно улыбнулся моей подруге, сверкнув белоснежными зубами. Чуть наклонившись к ней, протянул подношение, нанизанное на нож, и проурчал низким голосом:

— Красивая, угощайся мяском, оно вкусное и плохо прожаренное.

Я передернулась от последнего уточнения, а вот Невель громко сглотнула, смущенно улыбнулась, пряча взгляд за рыжими ресничками, ловко ухватила вожделенный кусок и впила в него острыми зубками. Проглотила первый кусочек и тихо поблагодарила.

Галантный кавалер не спешил уходить, продолжал сидеть и внимательно наблюдать за девушкой, быстро расправляющейся с мясом, и когда она с наслаждением облизала пальчики, сам громко сглотнул.

— Меня зовут Сафир, красивая, а тебя? — хрипло выдохнул он.

Оборотница, разомлевшая от переедания, поплыла от такого пристального внимания привлекательного, по ее меркам, сильного самца.

— Невель! — тихо ответила она и, спохватившись, добавила: — Это моя подруга, Лютик.

— Лютерция! — тихо и раздраженно рыкнула я. Напоминая, что Лютик я исключительно для друзей.

Но парочка, кажется, меня даже не услышала.

Дракон оперся ладонью о землю и уселся почти вплотную к Невель. Завороженно глядя на нее зелеными глазами, вкрадчиво спросил:

— Откуда ты, рыженькая?

— Из Балки, — выдохнула она, все сильнее смущаясь от такого внимания. Видимо, не привыкла к подобному.

— Это поселок в горах? — так же вкрадчиво, играя обольстительными нотками в голосе, уточнил брюнет. — На востоке, да? Там лисы-оборотни живут.

— Да! — тихо согласилась лисичка.

Я с интересом наблюдала за представлением. Наши пограничницы, когда из длительного рейда по Темным землями возвращаются, подобным образом соблазняют доверчивых мужчинок. В глаза заглядывают и вкрадчиво мурчат.

— Вы там с феями живете? — мимоходом поинтересовался он, потом, словно ответ его не интересует, почти мечтательно добавил: — И молодожены у вас на свадьбах, наверное, счастливые, и семьи многодетные...

Невель, приоткрыв ротик, смотрела ему в глаза.

— Нет, не вместе. Феи же не живут на Раше. А Лютик — попаданка и...

Глаза крылатого ухажера настороженно блеснули, и он тут же сменил тактику. Коснулся нежной девичьей щеки, тыльной стороной внушительного ногтя провел по скуле, затем ласкающим движением спустился к шее. При этом мужчина слишком пристально ловил эмоции Невель, скорее контролировал. Странная, непонятная ситуация перестала мне нравиться. Я уже открыла рот, чтобы привлечь внимание подруги, но Сафир проорчал:

— А ты, моя хорошая, замужем?

Рыжуха как в трансе покачала головой. А дракон расплылся в довольной, поощрительной ухмылке.

— Замечательно! А куда вы идете? К родичам, наверное? Может, тебя сосватали за какого-нибудь лохматого?

— Нет! Я слабая и в клане никому не нужна, — словно под гипнозом расчирикалась Невель. — Мы в Военную школу идем поступать, которая в Делавете. Я на целителя, скорее всего, а Лютика наверняка полноценным курсантом возьмут.

— Невель! — рыкнула я.

Рыжуха обернулась ко мне, все еще улыбаясь, заморгала и напряглась. Сразу осторожно отодвинулась от зеленоглазого хитреца и возмутилась:

— Это непорядочно, женщин при помощи магии совращать!

А я мысленно застонала. Подруга выболтала все наши и мои личные секреты, но считает, что ее совратили. Я злобно посмотрела на Сафира, а тот в ответ окинул меня насмешливым хитрым взглядом. Но мгновенно вернув все внимание обратно, попробовал продолжить в том же духе:

— Невель, детка, скоро утро, а лес большой... может, побегаем, поиграем?

Она фыркнула и совсем отвернулась.

— Думаю, мы еще поговорим, моя маленькая, — шепнул Сафир ей на ушко, отчего девушка вздрогнула.

Дракон-обольститель ушел к своим, а я пожала плечо подруге, успокаивая и поддерживая.

Невель вздохнула и призналась:

— Гады! Фею увидели и решили вытянуть информацию из меня.

— Почему именно из тебя? — заинтересовалась я.

— Потому что драконьи чары чувственного обольщения действуют лишь на тех, кто готов их принять. Тебя они проверяли, и не раз, но ты не среагировала. А я вот... поддаюсь очарованию, — с досадой пояснила Невель и попыталась оправдаться: — Похоже, моя звериная сущность слишком высоко оценила силу и мощь этого самца.

— Чары обольщения, значит?! — глухо переспросила я, осуждающе посмотрев на группу драконов.

— Я же говорю, похотливые они... — с еще большей досадой на себя, раздраженно

ответила Невель.

А я в этот момент не могла оторвать взгляда от темных провалов глаз командира драконов, который выслушивал Сафира и одновременно смотрел на меня. Не к добру это! Ох, не к добру! Ну что интересного в маленькой феиде? Ведь на Раше феи считались слабыми беззащитными существами, которые жили дарами природы.

— Невель, так может, ты — его пара? Потому он и расспрашивал? — спросила я наудачу, мало ли, вдруг я — мнительный параноик, а у дракона чисто личный интерес.

— Нет! — Девушка снова фыркнула и мотнула головой.

— Откуда такая уверенность? — удивилась я.

— Да он даже не вспотел, пока разговаривал со мной!

— В каком смысле — «не вспотел»? Он же не горы тут ворочал...

Рыжуха усмехнулась, махнула рукой и пояснила:

— Драконы, встретив пару, потеют сильно, начиная связь.

У меня лицо вытянулось от удивления.

Мы некоторое время помолчали, потом одновременно завалились прямо на землю, подложив котомки под голову. Затем мне в голову молнией ворвалась мысль, и я ее озвучила:

— Невель, что значит «черный дракон»? Он черного цвета? Или так их клан называется? У нас в учебнике об этом не говорилось, а я слышала.

— Нет, у драконов из одного клана имена с одной и той же буквы начинаются. Ты заметила? Уже который дракон, и все на букву «С». Значит, все звено — родственники.

— А как тогда определить, какого цвета дракон? Только днем? — расстроилась я.

— Почему днем? Все черные драконы — брюнеты. Красные — рыжие. А белые — блондины. Хотя белые далеко на севере живут, и вряд ли мы их увидим.

— Ты хочешь сказать, что мы сейчас в компании черных драконов? — испуганно выдохнула я.

— Ну да... — осторожно ответила Невель, приподнявшись на локте и глядя на меня.

— Так, похоже, нам нужно срочно сваливать. Только потного дракона для семейного счастья мне не хватало, — в тихой панике зашептала я. — Рассветет — и ходу отсюда. Если встретим нежить, я тебя на себе понесу... лишь бы отсюда подальше!

— А что не так с черными драконами? — встревоженно шепнула Невель.

— Я потом расскажу как-нибудь! Сейчас часок полежим, а потом уйдем не прощаясь.

Мы прижались друг к дружке и замерли. Даже сквозь дрему я до самого рассвета чувствовала спиной изучающие взгляды драконов.

Густая листва плохо пропускала свет, и утро в лесу было таким же сумрачным и серым, как и наше настроение. Мы торопливо уходили все дальше от злополучного села, сбежать из которого незаметно удалось чудом. До последнего думали, что не избавимся от пристального внимания драконов, не выпустят. Мало ли что у них в голове. Но обошлось. Наверное, они не предполагали, что фея и лиса-оборотень ни с того ни с сего уйдут тайком.

Лететь я не рискнула. Невель бежала рядом со мной в зверином облике и все еще фыркала, досадуя на Сафира за использование чар обольщения. Женскую обиду усугубляла недавняя свадьба племянницы с предметом любви и вождения Рыжухи. Ведь ей, по сути,

предпочли другую, не посчитав достойной связи. Я всеми фибрами души чувствовала: дракон, походя, растравил девичью душу, расковырял больное место, и теперь лисичка не может успокоиться.

Внезапно Невель зашипела, остановилась и всем телом приникла к земле. Я тоже присела, прислушиваясь и вглядываясь в окружающий пейзаж. Здесь запросто можно встретить остатки нежити, хотя Зла и Тьмы я пока не ощущала. Не хотелось бы мне сейчас с ней повстречаться — усталой и с практически пустым резервом. Руки еще подрагивали от недавнего напряжения, ноги гудели. Если бы не приставучие драконы с только им понятной мотивацией, и мои личные опасения, спали бы мы с Рыжухой в трактире. В конце концов, добропорядочно заплатили за комнату.

— Что такое? — едва слышно прошептала я.

Кончик лисьей морды дернулся вверх, указывая на небо. Там, среди листвы, я, наконец, рассмотрела драконов во второй ипостаси. Крылатые бестии — по-другому не назовешь. Мощное поджарое чешуйчатое тело с четырьмя короткими лапами, длинным хвостом и плоской головой на сильной шее. В наших учебниках они иногда с гребнями красовались, здесь же — ничего подобного. Кожа покрыта плотно прилегающими друг к другу черными, блестящими на солнце чешуйками. Выглядит словно броня.

Этот бестиарий в полном составе низко летел над кронами деревьев, махая огромными темными кожистыми крыльями. Драконы явно выскивали что-то вниз. И что, вернее — кого, догадаться несложно. Мы с Невель зарылись в листья и замерли, боясь пошевелиться, сливаясь с землей. Вдруг послышался трубный зычный клич, и чешуйчатые летуны, плавно сделав круг, направились на восток.

Я выпустила крылья и осторожно взлетела проверить, куда они полетели. Спустившись к подруге, удивленно прокомментировала:

— Знаешь, они дружно рванули на восток, откуда мы пришли вчера.

Невель злобно усмехнулась, отчего ее рыжая мордочка, наоборот, стала выглядеть забавно, потом, махнув лапкой, перешла на простецкий диалект, с помощью которого иногда пыталась добавить иронии своим словам или ситуации в целом:

— Ну и пушай слетают, касатики! Бешеному дракону — сто лиг не крюк, а мы спокойненько пойдем на запад. А эти заодно наш бедный событиями городишко развлекут. Попутного им ветра.

— Зачем мы им сдались? — не давала мне покоя драконья навязчивость. — Неужели потому, что фею давно не видели... Но в ваших легендах мы слабые и безобидные?!

— Ага, зато сейчас воинственные и с заговоренными мечами, значит, с нечистью приходится часто биться, — возразила Невель.

— Если бы я, наоборот, на стороне нежити оказалась, подобный интерес был бы понятен, а сейчас — нет, — допытывалась я.

— Ты у меня спрашиваешь? — раздраженно спросила Рыжуха. — Я из Балки всего раз десять с дедом и папой выбиралась. Нашу округу знаю, но дальше, на западе, ни разу не была. И уж точно с драконами не общалась накоротке.

Я примирительно улыбнулась, и мы продолжили путь. Хотя, чуть помолчав, Невель сама продолжила строить догадки:

— Драконы за порядком следят и вообще чрезвычайно любопытные и загадки любят. Я же тебе сказала, что они все новое и... нетронутое любят. А тут ты... легендарная фея, которых уже пару тысяч лет никто не видел. Конечно, ты для них — самая что ни на есть

диговинка! Хочется рассмотреть, потрогать, изучить... Они постоянно границу контролируют и Темные территории. И фей там точно не видели. Потому однозначно захотели выяснить, откуда ты явилась. И где так махать мечом научилась.

Я поморщилась от нарисованных перспектив, при этом полностью соглашаясь с выводами подруги. Сама уже догадалась, просто верить не хотелось. Прямо как гусеница, которая чуть что — в листик заворачивается, авось не заметят. Все-таки я натуральная половинка от настоящей женщины. Недомужик!

— Может, тебе в Делавеле эльфой прикинуться? — осторожно предложила Невель. — Чтобы вопросов меньше задавали...

Я оглянулась и тоскливо посмотрела на свои пока еще тусклые крылья. Тяжело вздохнула, приняв для себя тот факт, что легко мне в новом мире не будет. И с чего это я решила, что замечательно тут устроюсь? Ни проблем, ни опасностей не будет? Ничего не зная о мире, даже на положение лучшего воина губу раскатала... еще хотела приличного мужчинку заполучить... А сама трусливым жуком в прелой листве от преследователей только что пряталась, зажмурившись от страха. Нежити не боюсь, от битвы не прячусь, а при виде каких-то местных поддатых мужчинок трясусь. Кошмар!

Тряслась я сейчас, положим, по-другому, чернокрылому, поводу, но, упрямо мотнув головой, заявила:

— Не выйдет, Невель. Крылья спрятать! Они мое продолжение и раскрыться могут спонтанно, допустим, я испугалась, разозлилась, чихнула неожиданно. Да я рефлекторно их освобожу — и все... И вообще, прикидываться эльфой... мне, феиде, воину в энном поколении — позорище. Мои прабабки-генеральши в другом мире поперхнутся от возмущения и проклятиями покроют несчастную голову внучки. И мама...

— А что — мама? Она же в твоём мире осталась?!

Я тягостно вздохнула, а потом, махнув с досады рукой, призналась:

— Мама, мама! Ты просто не знаешь мою маму. Она точно узнает, и тогда ни один портал не помешает Клевер Пчелке отвесить мне пенделя за такое. Лучше уж потного дракона терпеть всю жизнь, чем злить мою маму.

— А при чем здесь потный дракон и ты? — слишком уж заинтересовалась Невель. — Ты, вообще-то, обещала мне объяснить, почему интересуешься этой расой.

Я замаялась, потом, заметив, как лисья мордочка оскалилась в настойчивом требовании правды и только правды, не решилась врать напропалую. Сразу почувствует. Пришлось ограничиться.

— Мне предсказали судьбу. Точнее, предупредили, чтобы я опасалась черного дракона, а еще, что буду высидывать яйца. Хм, тогда я, скажем так, не придавала странной фразе большого значения, зато сейчас считаю, что очень-очень зря! — закончила уже со злостью на себя. За глупость! — Надо было уделить этому вопросу более пристальное внимание, а я так обрадовалась, что про все забыла.

— А чему обрадовалась? — вкрадчиво спросила лиса.

— Что сюда попаду и смогу найти свою половинку.

— Лютик, ты до сих пор не рассказала, как на Раш попала, — тихо, с едва заметной укоризной напомнила Невель.

— Ты так говоришь, словно хочешь в мой мир попасть, — слегка удивилась я. И заметив промелькнувшее смущение в синих лисьих глазах, грустно улыбаясь, добавила: — Невель, он не для тебя! Поверь, в том мире тебе было бы плохо.

— Еще хуже, чем здесь? — запальчиво спросила она.

— Да! — уверенно ответила я. — Здесь твоя слабость — это норма для большинства. А у нас ты, как и я, осталась бы одинокой на всю жизнь. Стала бы никем.

— А здесь я что — лучше? — всхлипнула оборотень.

— А здесь у нас с тобой есть большой шанс стать кем-то и главное — обрести семью, — весело улыбнулась я.

— Тогда идем скорее в школу? — голос лисы звучал уже без надрыва и грусти. — На охоту?

— На охоту за мужьями! — подзадорила я.

На западе Раша степные просторы изредка перемежались лесными массивами. И как следовало из разговоров наших случайных попугачиков, потом снова начнутся леса, и даже невысокие горы будут встречаться. И чем дальше, тем ближе Мировой океан. Только в этой части света побережье пока во власти Тьмы и колдунов. До приграничной территории идти дня три-четыре.

Мы с Невель шли по широкому, хорошо утопанному оживленному тракту и глазели по сторонам. Общим было жутко интересно все, что мы видели и слышали в нашем большом путешествии. Чрезвычайных происшествий больше не случалось, и поэтому чувствовали мы себя относительно легко и беззаботно, предвкушая изменения в жизни в лучшую, замужнюю сторону.

По пути в Делавель я выжала из Рыжухи всю информацию: география, экономика, народы, традиции, законы и правила — все, что она знала. А ей давала уроки по самообороне. За пару недель стать хорошим воином нельзя, но хоть немного овладеть простыми приемами можно. И мы обе старались, учились. Она — воевать, я — основам этого мира.

Мимо нас на лошади проехал орк-степняк. Как и предполагала, местные скупердяи оказались точно такими же, как и у меня на родине. Приятно сознавать, что и в этом мире многое привычно. Позади орка, на крупе у лошади, я заметила домовушку, который, прикусив язык от усердия, вязал длинный шерстяной гольф и так забавно смотрелся, что невольно вызывал улыбку.

Выйдя из леса, мне пришлось спрятать свои крылья и в основном топтать ножками. Невель предупредила, что, увидев первую за много веков фею, люди и нелюди замучают нас приглашениями на свадьбы, дабы «осчастливить» молодоженов. Как в воду глядела. Вторая встреча с людьми, в тот момент всем селом гулявшими на свадьбе, поспособствовала. Ох, и наакались же мы тогда наливки... «освящая» чужую семейную жизнь. Однако проснулась я наутро, «освещая» округу фингалом под глазом, благо кандидат в целители рядом спала. Вспомнила: наемни сцепилась с одной из подружек невесты. Фея называется. Кошмар! До сих пор стыдно.

А еще подруга заставила меня «одеться прилично». Согласуясь с ее мнением, мы купили в одной из деревень парочку хороших штанов, столько же симпатичных, свободного покроя, вышитых рубашек со стоячим воротничком, застегивающимся на деревянные пуговички, и даже расписную жилетку. Я сделала надрезы на спинках, чтобы в случае опасности крылья могли выскальзывать в щели. Пришлось несколько дней тренироваться, но зато результат порадовал Невель. И чего греха таить, мне самой новая одежда очень понравилась, помогла почувствовать, что я постепенно приобщаюсь к этому миру.

По мере приближения к цели нам все чаще встречались последствия разгула Темных на этих землях. Некоторые деревья, а иногда и целые участки леса выглядели как в страшном сне: искореженные, поникшие. Но растения упорно хотели жить. Жизнь — неискоренима. В таких местах мы останавливались на день, и я старательно вливала в них магию Света, удаляя остатки Тьмы, что не давали нормально развиваться растениям. А потом ловила крыльями лучи светила, накапливая в янтарите резерв.

Ветерок погнал по дороге пыль, которая забивалась у меня между пальцами ног. К

грязным ногам тоже пришлось привыкать.

— Ничего себе стена... — потрясенно выдохнула Невель.

Обогнув небольшой участок, заросший деревьями, прямо посреди степи мы увидели город, по периметру обнесенный высокой каменной стеной. Дорога привела нас к широким кованым воротам.

— Ничего себе город... — не менее потрясенно вторила я. — Размерами похож на нашу столицу.

— Так Делавель — и есть столица. А Верейя — одно из крупнейших людских королевств, — просветил нас едущий рядом на ослике старый орк Шаган в потертом сюртуке и штанах с вытянутыми коленками.

С Шаганом мы уже второй день вместе путешествовали. Случайно разговорились, и пожилой мужчина оказался столь интересным собеседником, что нам почти жалко стало с ним расставаться. Орк ехал в Делавель к старшей дочери на свадьбу внучки. И всю дорогу веселил нас байками из прошлого его семьи и клана. К нам дедок тоже неспроста привязался. Увидев мои мечи, решил, что в такой компании по дорогам путешествовать безопаснее, чем в одиночку, а наш провиант, который ему задарма доставался на привалах, позволил значительно экономить на затратах. Хотя мы и видели, что подарки родне он везет дорогушие, только прикрытые старым тряпьем. Скрыга!

Стражники у ворот собирали пошлину в городскую казну. Мы с Невель тайком ухмылялись, глядя, как орк костерит людей за жадность и непомерные налоги. Но городская охрана к подобным фортелям скупердяев-орков, видимо, привыкла и стояла с каменными лицами. Обе эти расы, как я выяснила, часто селятся рядом, браки не заключают из-за внешних различий, но неплохо сотрудничают. Да и жизненный цикл у них схож, что тоже сближает орков с людьми. Хотя первые за глаза называют людей бледнолицыми, а вторые извечных соседей — зелеными, из-за серо-зеленого оттенка кожи.

Мы с подругой, заплатив за себя, торопливо удалились, чтобы закончить общение с жадным стариком. Но благодаря ему узнали, где расположена самая надежная и дешевая гостиница. И как добраться до Военной школы. Старый Шаган даже поведал нам о сроках приема новых курсантов, и выходило, что мы едва успеваем в новый набор.

Сначала мы шли узкими улочками бедняцких районов, как пояснила Невель, потом начались улицы с домами побогаче и даже из камня. А над городом высился шпиль королевского замка.

Время было к обеду, и мы решили сразу идти в школу, чтобы узнать условия поступления. Наконец мы добрались до небольшой площади со скульптурой павшего ниц колдуна, пронзенного мечами и копьями представителей всех рас Раша. Весьма красноречивый и внушительный знак объединения и солидарности стран и народов перед общей угрозой. Я даже засмотрелась на монумент, ведь многих, проживающих здесь, не видела воочию. Хотя и тех, кого встретила, вполне хватило, чтобы изменить мое мнение о жизни.

Нам встречались разные женщины: слабые и капризные, вызывавшие у меня абсолютное презрение, и наоборот, сильные, пусть не столько физически, сколько духом, но достойные уважения. Встречая каждую новую женщину, я невольно менялась сама. Начинала понимать, принимать для себя, что телесная слабость или привлекательная внешность — это не уродство, не аномалия, не причина для насмешек и отторжения обществом. С ними можно жить и не мучиться, и даже любить, и гордиться собой. Ведь важны еще и характер, и

трудолюбие, а не только внешние данные. Мужчины, встречавшиеся мне, тоже помогли это понять. Помогли увидеть их силу или немужское, как я раньше считала, достоинство и готовность прийти на помощь слабому. Или наоборот, разбойную дурную силу, с которой те нападали и грабили обозы путников. Были и такие, кому внешнее уродство не помешало завести крепкую любящую семью. И те, которые использовали красоту ради выгоды или наоборот, совершенно не обращали на нее внимания, живя обычной жизнью.

Чрезвычайно много удивительного и познавательного принесло мне путешествие с Невель, дало пищу для размышлений, основания для переоценки ценностей и изменения намерений. Теперь любой мужчинка мне точно не подойдет.

К площади прилегала территория школы, окруженная кованым высоким забором — не перелезть, а просочиться сквозь прутья можно, только обернувшись змеей. А вот ворота сделали почему-то деревянные, с большой железной колотушкой на одной из створок.

Мы подошли поближе и увидели телегу с большой ванной, в которой... возлежал невероятно красивый, златовласый, полуобнаженный мужчина. Этот... мужчинка — по-другому худощавого напыщенного красавца не назовешь — до боли напомнил мне атурашских щеголей.

Косясь на мужчинку, мы застыли возле ворот, и Невель уже хотела прочитать прибитое к воротам объявление. Но не успела.

— Поступать собрались, красавицы? — поинтересовался блондин.

Мы обернулись к нему, а он в этот момент решил удобнее устроиться в своей ванне и... всплеснул рыбьим хвостом. Русал!

Отметив, что завладел нашим вниманием — мы даже рты открыли, уставившись на него, — приосанился и, дернув за поводья запряженного в телегу коня, чтобы не дергался, продолжил:

— Ну, и?

Мы молча кивнули.

— Боюсь разочаровать вас, но сегодня был последний день, и вы явно не успели.

— Да-а-а? — разочарованно выдохнули мы.

— Да-а-а! — передразнил он нас и оценивающим взглядом прошелся по нашим фигурам. — И вообще, на что вы надеялись, придя сюда?

— Ну-у-у...

— Ракушки гну! Даже двух слов связать не можете, а туда же, — распалился красавчик.

— А-а-а...

— Вот-вот! О чем и говорю. А в эту школу кого попало не берут, между прочим! Здесь только лучших из лучших готовят границы Светлого мира защищать.

— А вы...

— А что я?! Я один из таких... которые лучшие. Самые лучшие! Можно сказать, все побережье подо мной... э-э-э, на мне. Целыми днями караулю, чтобы нечисть не пробралась.

— А сейчас...

— А сейчас меня сюда пригласили! Как главного специалиста! Консультации там разные, Юмик, подскажите это, Юмик, подскажите то...

Мы с Невель изумленно рассматривали говорливого «самого лучшего специалиста известнейшей военной школы». У меня в голову даже сомнения закрались: каким образом с такими кадрами Коалиция смогла далеко назад отодвинуть колдунов?! То ли он привирает, то ли...

Сторожка возле ворот открылась, из нее вышел человек солидного возраста, судя по форме и выправке — военный. Увидев телегу с ванной, караульный заорал:

— Ты еще здесь? Пшел вон отсюда! Не день, а дурдом! Сплошные идиоты да ненормальные прутся.

Юмик тут же потерял к нам интерес и завопил:

— Я буду жаловаться! Самому высокому начальству. Да я до Посейдона самого дойду. Я найду на вас управу!

— Ты мозги свои найди сначала! Курсант недоделанный! — угрожающе рявкнул стражник. — А пока пшел отсюда или помочь чем?

Юмик обиженно фыркнул и стеганул поводьями свою лошадку. По мостовой, покрытой булыжниками, телега гроыхала особенно громко, а ванна, пошатываясь, иногда расплескивала воду. И золотая голова русала моталась туда-сюда.

Проводив взглядом сумасшедшего водоплавающего, мы с Невель все еще круглыми от удивления глазами посмотрели на стражника, а он зло — на нас.

— Ну и чего выставились? Ярмарка закончена, — рявкнул он.

Я передернула плечами: к такому презрительному отношению со стороны мужчин я не привыкла и привыкать была не намерена. Кроме того, караульные на службе не должны вести себя, как мужчинки-феиды на базаре. Отвечать положено по уставу.

— Мы пришли поступать в Военную школу! — глухо, но решительно, и тоном, предупреждая воздержаться от грубости, ответила я.

Стражник оценил рукоятки моих мечей, торчащих из заплечных ножен, и наши с Невель злые лица — еще бы, можно сказать, наш матримониальный план чуть не рухнул — и, криво ухмыльнувшись, пожав плечами, скомандовал:

[Купить полную версию книги](#)